
Влад Григорьев
Ты – это Я.
(в трех частях)
18+

Влад Григорьев

Ты - это Я. (в трех частях)

«Автор»
2026

Григорьев В.

Ты - это Я. (в трех частях) / В. Григорьев — «Автор», 2026

Новая редакция романа "Ты-это Я". Книга в трех частях, объединяющая в себе три книги романа. После окончания школы в 1966 году Влад отказывается от поступления в ВУЗ и уезжает из родных мест. Тяжелый труд на стройках Иркутска и на железной дороге в Казахстане, ночлеги на вокзалах, голодные дни — всё это закаляет его характер и формирует особое мировоззрение. Прибыв в Ташкент, он находит работу на заводе, пытается поступить в институт, переживает любовь и дружбу, но внутренняя жажда перемен не отпускает его.Переезд в солнечную Одессу становится новым этапом взросления: работа на заводе, море, новые знакомства, короткая, но яркая любовь с девушкой из украинской деревни. Но упрямство и максимализм юности приводят к необдуманным поступкам, заставляя героя вернуться в родные края, где его ждут новые испытания и неожиданные повороты судьбы. Это автобиографический роман о поиске себя, свободе и цене выбора в эпоху позднего советского времени и наших дней.

© Григорьев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 5
Часть вторая 49
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Влад Григорьев
Ты - это Я. (в трех частях)

Часть первая

Глава 1

Выпускной вечер 1966 года в маленьком придорожном кафе посёлка стал для выпускников не просто праздником, а настоящим ритуалом прощания с детством. Кафе, скрипучее, пропахшее табачным дымом и жареным луком, на этот вечер стало храмом их юности. Здесь собрались все: родители с гордыми и усталыми лицами, учителя, уже немного чужие без школьных стен, друзья, которые теперь казались ближе родных. Главного героя зовут Влад. Его подругу (не одноклассницу) Валя. Его близкие друзья одноклассники Саша, Сергей и Арсений. Они все спортсмены, боксеры. Им и весело сейчас и грустно одновременно. Они понимают, что скоро расстанутся, и каждый пойдет своей дорогой. Они остроумны и никого не впускают в свою компанию. У Саши тоже есть подруга (не одноклассница) которая тоже сейчас здесь. Кстати она очень нравится Владимиру. Но Света подруга Саши не обращает на Влада никакого внимания. Она старше их всех на год и ведет себя как старшая.

— Ну что, друзья, за нас! — поднял тост Саша, его голос прозвучал уверенно, как всегда, когда он был в компании друзей.

— За нас, — отозвался Влад, подмигивая Вале, сидящей рядом.

Все выпили и вечер постепенно стал набирать обороты.

— Ты же не собираешься все это время просидеть с ней? — с насмешкой шепнул Сергей, заметив, как Влад украдкой бросает взгляды на Светлану, подругу Саши. Света, с высоко поднятой головой и легкой усмешкой, была как загадка, недоступная для большинства.

— Да нет, — ответил Влад, пытаясь скрыть смущение. — Просто… она интересная.

— Интересная? — с ухмылкой переспросил Арсений. — Она ж не обращает на тебя внимания!

— Это еще ничего не значит, — парировал Влад, но настроение было подпорчено.

Валя что то почувствовала и лицо ее помрачнело. Заиграла музыка и Влад предложил Вале «размяться», но она, сославшись на головную боль, отказалась. Влад налил себе рюмку и выпил не предложив ей, что в какой то мере напугало его подругу.

— Ты что киснешь. Что то не так?—виновато спросила она.

— Нет, — ответил Влад, — просто думаю.

— О чем?

— О том, что завтра все будет по-другому.

Она рассмеялась, но смех ее был коротким, словно отрезанным.

— Ты всегда такой, Влад. Все усложняешь. Жизнь — она и есть жизнь.

Он хотел возразить, но тут подошел Саша, его друг, крепкий, широкоплечий, с насмешливыми глазами. За ним, как тень, скользила Света — стройная, с холодноватой улыбкой. Она была старше их на год и держалась так, будто уже знала то, о чем они только догадывались.

— Что, философствуете? — Саша хлопнул Влада по плечу. — Брось, сегодня гуляем!

— Я не философствую, — огрызнулся Влад.

— А мне кажется, философствуешь, — встряла Света, и ее голос прозвучал как лезвие, проведенное по стеклу. — Все вы, мальчишки, одинаковые — думаете, что мир крутится вокруг вас.

Влад почувствовал, как кровь ударила в виски.

— Может, и крутится, — сказал он. — А ты что, уже все знаешь?

Саша засмеялся и потянул Свету за руку.

— Оставь его, он сегодня не в духе.

Они ушли, оставив за собой шлейф смеха и легкого презрения.

Позже, когда вино развязало языки, а водка сгладила углы, Влад танцевал — сначала с Валей, потом со Светой, потом с Еленой Францевной, их учительницей, молодой, смешливой, с глазами, в которых еще не погас огонь юности.

— Влад, — сказала она, слегка заплетающимся языком, — вы сегодня особенно хороши.

— Спасибо, Елена Францевна, — ответил он, чувствуя, как ее пальцы слегка сжимают его ладонь.

— Нет, серьезно, — она наклонилась ближе, и от нее пахло духами и чем-то еще, сладким, как спелая груша. — Вы из тех, кто не теряется.

Он хотел ответить, но тут их разъединил чей-то толчок, и Елена Францевна растворилась в толпе.

К утру взрослые разошлись, одноклассники тоже — кто спать, кто еще куда. Влад окончательно поссорился с Валей — из-за чего, он уже не помнил, да и неважно было. Он вышел на улицу, где свежий воздух приятно наполнил легкие.

На востоке небо начинало светлеть.

Он пошел по пустой улице, мимо, спящих домов, мимо заборов, за которыми были чужие жизни. Край поселка встретил его тишиной и простором. Поле, не тронутое дорогами, лежало перед ним, как чистый лист.

Влад шагнул вперед.

Солнце еще пряталось за горами, но край неба уже горел алой полосой. Он стоял, не шевелясь, и ждал.

И вот — первый луч. Тонкий, как лезвие, он разрезал темноту, и Влад не мог отвести глаз. Солнце поднималось медленно, неумолимо, заливая мир золотом и огнем.

— Не отведу глаз, пока солнце полностью не выйдет из-за гор. Если выдержу, значит все у меня получится в жизни – загадал Влад.

Только когда солнце оторвалось от края горы, и свет стал слишком ярким, он опустил веки и, не глядя под ноги, прошел еще шагов двадцать. Потом развернулся и пошел обратно.

Дом ждал. Утро начиналось.

А где-то там, за горизонтом, уже стучалось будущее.

Глава 2

Вокзала в их поселке не было. Его заменял длинный деревянный перрон, который был заполнен в этот раз почти до отказа. Подошло время сдачи приемных экзаменов в учебные заведения ближайших городов, Улан-Удэ и Иркутска. Поезд вот-вот должен был подойти и поэтому все были оживлены и суетливы. Влад, Саша, Сергей и Арсений тоже были здесь. Они, нервно смеясь и перебрасываясь шутками, старались показать всем и себе в первую очередь, что ничего особенного не происходит, но в глазах у каждого читалось что-то тревожное. Владу казалось все это не реальным, нарисованным.

— Ну что, медик, — хлопнул его по плечу Саша, — через пару лет будешь нас лечить.

— Если не передумаю и не переведусь к вам в Улан-Удэ, — усмехнулся Влад.

Валя, Света и Ольга (девушка Сергея) стояли рядом. Были и смех, и слёзы, и обещания писать. Никто тогда не думал, что это расставание для некоторых из них станет очень долгим и даже последним..

Подошел поезд, и все ринулись к вагонам. Ребята второпях попрощались с девушками, на ходу целуя их, и скороговоркой обещая им не долгую разлуку и любовь на веки.

Когда поезд тронулся, они высунулись в окно, махали руками, пока провожающие не превратились в маленькие точки.

«Ну, вот и всё», — подумал Влад.

В вагоне сразу достали вино и закуски — родители постарались, собрав каждому в дорогу (Вино, конечно же, было приобретено втайне от них). К ним присоединились попутчицы, две девушки, тоже ехавшие поступать — одна в педагогический, другая в сельскохозяйственный. Время летело незаметно: песни под гитару, разговоры о будущем, смех.

Поезд замедлил ход, и Влад почувствовал, как его сердце сжалось от тоски.

— Ну, братва, — Арсений встал первым, — нам тут.

На перроне было прохладно. Пустили бутылку по кругу, обнялись, обменялись адресами.

— Пиши, ладно? — сказал Сергей, крепко сжимая его плечо.

— Обязательно, — кивнул Влад.

Они ушли, смеясь, размахивая руками. А он остался.

В вагоне стало тихо. Рядом был только Валерка, бывший одноклассник, тоже мечтающий поступать в медицинский. Но разговаривать не хотелось. Влад забрался на вторую полку, отвернулся к стене и закрыл глаза.

Поезд стучал колёсами, увозя его дальше — в новую жизнь, в которой больше не будет этих вечеров у костра, этих глупых споров до хрипоты, этих дорог, по которым бегали наперегонки, этих молчаний, когда без слов понимали друг друга.

«Но ведь мы еще встретимся и не раз», — успокаивал он себя.

А поезд шёл вперёд. В Иркутск.

Как выяснится позже, Влад с Валентиной больше не увидятся никогда. Будет два-три письма, потом полное молчание, что с одной стороны, что с другой. У каждого появятся новые друзья, новые интересы. Александр поступит в Красноярский институт цветных металлов, закончит его, потом будет призван в вооруженные силы, вернется в родной поселок, какое то время поработает на местном заводе в литейном цехе, женится. Через пять лет переберется в город Ангарск. Только через двадцать пять лет Влад через "Одноклассники" выйдет на жену Александра Ирину и узнает, что Саши нет в живых - смерть от инфаркта. Арсений поступит в институт, в Якутске, и как то на чьей-то свадьбе ввяжется в драку с молодым парнем и случайно убьет его. Будет осужден на 15 лет. Влад встретит Арсения в Улан - Удэ, когда прилетит на родину с женой Светланой (той самой из юности, что когда то дружила с Александром). Это будет уже в середине 90-х. Встретятся, поговорят и расстанутся, даже не обменявшись адресами. Сергей успешно закончит в Улан-Удэ сельскохозяйственный институт, женится на Ольге, дослужится до начальника районной ветеринарной лаборатории, начнет сильно пить и однажды в пьяном виде залетит на машине под огромный самосвал. Вместе с ним погибнут три его товарища, среди которых окажется их общий одноклассник Борис..

Глава 3

Иркутске, в тот ясный августовский день, когда листья только начинали желтеть, Влад и его одноклассник Валера направились в медицинский институт, полные надежд и волнений. Они мечтали о будущем, о том, как будут спасать жизни и помогать людям. Но, как это часто бывает в жизни, не все пошло по плану.

— Ну что, готов? — спросил Влад, поправляя свои документы в папке. Он чувствовал, как сердце стучит в груди от волнения.

— Готов! — ответил Валера с легкой улыбкой, хотя в глубине души у него тоже была тревога.

Когда они вошли в здание института, их встретили студенты старших курсов, которые принимали документы. Влад, с его уверенной походкой и ясным взглядом, прошел мимо, не замечая, как Валера немного отстал.

— Ваши документы, пожалуйста, — произнесла одна из старшекурсниц, взглянув на Влада с одобрением.

— Вот, — уверенно ответил он, протягивая папку.

— Все в порядке, можете проходить, — улыбнулась она, и Влад почувствовал, как радость наполняет его.

Но когда пришла очередь Валеры, его уверенность исчезла. Студенты, проверяющие документы, обменялись недоуменными взглядами.

— Извините, но мы не можем принять ваши документы, — произнес один из них, не скрывая своего недовольства. — У вас есть медицинская справка?

Валера, который с детства прихрамывал, почувствовал, как его лицо покраснело. Он знал, что это может стать причиной отказа, но все равно надеялся на лучшее.

— Я... я могу принести справку, — произнес он, но в его голосе уже не было уверенности.

— Простите, но у нас строгие требования. Мы не можем рисковать, — ответила другая студентка, и в ее голосе не было места для сомнений.

Валера, не желая унижаться, просто кивнул и, не сказав больше ни слова, вышел из института. Он направился к автобусной остановке, не зная, что делать дальше.

— Валера, подожди! — крикнул ему Влад, но тот лишь помахал рукой в ответ, не оборачиваясь.

Влад остался один. Ему выдали направление в общежитие и объяснили, когда начнутся приемные экзамены. Общежитие находилось недалеко, и вселение прошло без проблем. В комнате, куда его поселили, были еще три абитуриента.

Первым оказался Серега Ржановский из Краснодара. Он был полным, с веселым лицом и искоркой в глазах.

— Привет, я Серега! Можешь звать меня Серж — произнес он, протягивая руку для приветствия.

Влад назвал себя, чувствуя, как напряжение начинает уходить.

Вторым был Николай из Улан-Удэ. Он тоже немного прихрамывал, но это не помешало ему стать абитуриентом.

— Здорово, брат! — сказал он, кидая взгляд на Влада. — У тебя все в порядке? В приемной комиссии все гладко прошло?

— Да, мне повезло, а вот моему однокласснику Валере... - начал Влад. Все внимательно выслушали его, а у Николая лицо заметно помрачнело.

— Я тоже не без проблем. У меня была травма в детстве, но документы приняли. Сложно объяснить, как это происходит, — сказал он, и в его голосе звучала печаль.

Третий абитуриент, Петр из Шелехова, был более сдержанным. Он сидел на краю кровати и смотрел на своих новых соседей с интересом.

— Что, вечеринку устраиваем? — спросил он, когда Влад раскрыл бутылку вина, которая была припасена на этот случай.

В тот вечер, атмосфера в комнате стала по-настоящему дружелюбной. Смех, песни под гитару, разговоры о жизни — все это помогло Владу забыть о недавнем разочаровании.

— Давай споем что-нибудь вместе! — предложил Серега, беря гитару в руки.

— А давай! — поддержал его Николай.

Влад, почувствовав себя частью чего-то большего, тоже начал петь.

— А ты неплохо поешь, — заметил Серега, подмигнув ему.

— Спасибо

Глава 4

Душный воздух в приемной комиссии медицинского института висел густым сиропом, смешиваясь с запахом пыли от старых бумаг и всеобщего напряжения. Влад Григорьев, невы-

сокий парень с еще не утраченной юношеской угловатостью, стоял перед высоким деревянным столом, чувствуя, как капли пота медленно сползают по позвоночнику. Химия – «удовлетворительно», физика – «хорошо». Остался последний рубеж – не профильный экзамен по русскому языку и литературе, одно сочинение. И все. Проходной балл был почти в кармане, конкурс после второго экзамена волшебным образом съежился до устрашающе реального один на одно место. Казалось, судьба подмигивает ему из-за стопки заявлений.

Но в голове звучал другой голос – настойчивый, чуть насмешливый, голос Сергея Ржановского, Сержа.

«Не надоело, Влад?» – будто эхо, отдавалось в его ушах. «Одиннадцать лет парты, учебников, зубрежки… и сразу еще семь? Медицина – это же каторга пожизненная! А?»

Серж, его друг и сосед по общежитию абитуриентов, свой второй экзамен «завалил» с каким-то странным облегчением. Вместо уныния его охватила странная эйфория безнаказанности. И он с удвоенной энергией принялся обрабатывать Влада.

«Слушай, брось ты эту затею!» – уговаривал Серж вечером, развалившись на койке в их тесной комнате на четверых, где воздух был густ от пыли, пота и юношеских амбиций. «Год – он же ничего не решает! Год свободы! Отдохнем по-человечески. От учебы, от этих конспектов, от вечного “надо”».

Влад морщился, пытаясь сосредоточиться на томике Достоевского для сочинения: «Серж, ну что ты несёшь? Я же почти поступил!»

«Почти – не значит совсем!» – парировал Серж, оживляясь. «А представь: работаем где-нибудь… хоть в ресторане официантами! Деньги свои, пусть небольшие, но свои. Вечера свободные. Весь Иркутск перед нами – Ангара, старые улочки, театры, может, даже девчонки какие… Увидим город, почувствуем его, а не только путь от общаги до института и обратно. Осмотримся. Головой подумаем. Может, и не медицина тебе нужна? А там, через год, с новыми силами, с деньгами на подготовку – возьмем любой вуз штурмом! Осознанно!»

Серж рисовал картины вольной жизни так ярко, что Влад, несмотря на изначальное сопротивление, стал ловить себя на мысли: «А что, если…?» Мысль о бесконечной учебной марафонской дистанции вдруг показалась невыносимой. Год передышки. Заработать. Увидеть жизнь за стенами учебных заведений. Осознать выбор. Идея, посеянная Сержем, пустила корни, тревожные и манящие одновременно.

И вот он стоял в приемной комиссии. Пожилая женщина с строгим пучком седых волос и в очках на кончике носа смотрела на него поверх документов.

- Григорьев? Русский и литература – завтра в десять, аудитория триста двадцать – автоматически произнесла она, протягивая ему пропуск.

Влад взял пропуск. Бумага была шершавой. Он глубоко вдохнул.

- Я… я документы забираю.

В приемной воцарилась тишина. Даже стук печатной машинки в углу смолк. Женщина подняла голову, очки съехали на кончик носа. Ее коллега, мужчина с усталым лицом, отложил папку.

- Что? – не поняла женщина.

- Я передумал сдавать. Прошу вернуть мои документы – голос Влада звучал ровнее, чем он ожидал, но внутри все дрожало.

- Молодой человек, вы… вы тронулись умом – в голосе женщины смешались искреннее изумление и профессиональное раздражение - У вас же фактически поступление в кармане! Конкурс один к одному! Завтра сочинение напишешь на троечку – и ты студент!

Мужчина присвистнул:

- Да он, Галя, золотой билет выкидывает! С ума спятил, парень!

- Решение принято – уперся Влад, чувствуя, как жар разливается по лицу и шее - Прошу вернуть документы.

Уговаривали его долго. Сулили блестящее будущее в белом халате, пугали безработицей и потерей года. Но чем больше они давили, тем тверже становился Влад. В этой внезапной твердости была и доля отчаяния, и азарт бунта против предопределенности. Наконец, с тяжелыми вздохами и качанием голов, документы были выданы. Папка с аттестатом, медицинской справкой и фотографиями показалась неожиданно легкой.

Когда Влад вернулся в комнату общежития, Серж, вскочил с койки как ужаленный.

- Ну? Сдал заявление?

- Забрал документы – коротко бросил Влад, швырнув папку на свою кровать.

Лицо Сержа расплылось в восторженной улыбке. Он схватил Влада в охапку, закружил: «Ура-а-а! Год свободы, брат! Год настоящей жизни!»

Из комнаты поступил только Николай, тихий и старательный парень из Улан-Удэ. Петр, не прошедший по конкурсу, молча собрал вещи и уехал домой, его место сразу заняли тени неопределенности. Теперь в комнате осталось трое: легальный Николай, погруженный в радостные хлопоты перед зачислением, и два «беглеца» – Влад и Серж. Они существовали здесь на птичьих правах. Комендантша, женщина с вечно недовольным выражением лица, вроде бы знала, но пока закрывала глаза – то ли из жалости, то ли по недосмотру. Главное – не попадаться ей на глаза лишний раз и не шуметь. Их койки стояли как призраки прежних обитателей, а вещи ютились в чемоданах под кроватями, готовые к быстрому исчезновению. По вечерам, когда Николай уходил в читалку, они шепотом строили планы. Воздух в комнате стал другим – пахло не учебой, а риском и неизвестностью.

Работу нашли быстро, почти не глядя. «СибСтройИзоляция» требовала изолировщиков.

-Работа не пыльная, в прямом смысле не скажешь, но платят хорошо, общежитие позже обещают – бодро рапортовал Серж, вернувшись с собеседования. Влад кивнул. Звучало сомнительно, но выбирать не приходилось.

5 утра. Иркутск только просыпался, окутанный прохладной дымкой. Влад и Серж, в старых, еще школьных трениках и потертых куртках, шли по пустынным улицам на окраину города, к гигантской стройплощадке новых микрорайонов. В кармане – скомканная бумажка с адресом проходной.

За высоким забором царил хаос и грохот. Рев экскаваторов, визг «болгарок», стук молотков, гул дизельных генераторов – все слилось в оглушительную симфонию труда. Пахло бетонной пылью, мазутом, свежеспиленным деревом и потом. Их встретил прораб, коренастый мужик лет пятидесяти с вечно недовольным лицом и хриплым голосом, пробивавшимся сквозь шум.

- Ржановский? Григорьев? – окинул он их быстрым оценивающим взглядом. - Ага, студентики неудавшиеся. Ну, раз пришли – работайте. Ваш участок – теплотрасса в восьмом подъезде. Бригадир Саныч там. Там же и ваше счастье – стекловата. Рукавицы берите потолще, халаты брезентовые наденьте, респираторы… хотя вам, интеллигентам, может, противно? – в его голосе сквозила привычная издевка над «белоручками».

- «Наденьте,» – буркнул Влад. Серж лишь усмехнулся.

Внутри здания царил полумрак и сырость. Где-то вдалеке мерцали лампочки на переносках. В углу будущей квартиры, среди груд кирпича и арматуры, их ждал бригадир Саныч – невысокий, жилистый, с лицом, изборожденным морщинами и вечной желвачной жвачкой за щекой. Рядом лежали огромные рулоны серой, колючей массы – стекловата.

- Ну, орлы, прилетели? – хрипло произнес Саныч, не глядя на них, разматывая толстый кабель. - Задача простая – трубы, видите? – он ткнул пальцем в лабиринт толстых и тонких труб, сходящихся в одном углу. - Горячая, холодная. Их надо обмотать ватой, а сверху рубероид, а потом проволокой закрепить. Толщина слоя – сантиметров пять. Не меньше. Понятно?

- Вроде да, – неуверенно сказал Серж.

- “Вроде” – не считается. Понятно? – Саныч повернулся, его маленькие глаза внимательно их оглядели. - Вата кусается. Одежду пропитывает. Чесаться будете как блохастые. Респираторы не снимать – легкие потом выплюнете. Рукавицы – святое. Работайте аккуратно, но быстро. Объем большой.

Он показал пару движений: как разматывать вату, как плотно прижимать ее к трубе, как делать нахлест. Казалось, просто. Потом махнул рукой и ушел, растворившись в полутьме коридора.

Влад и Серж переглянулись. Натянули грубые брезентовые халаты, надвинули на лоб кепки, застегнули респираторы. Запах резины и пластика ударил в нос. Первый рулон стекловаты был неожиданно тяжелым и упругим.

- Ну, поехали, коллега – усмехнулся Серж, пытаясь поднять рулон.

Они начали. Первые же прикосновения к стекловате стали откровением. Мелкие, невидимые глазу волокна пронзали ткань рукавиц мгновенно. Тысячи микроскопических игл впивались в кожу ладоней, вызывая нестерпимое жжение и зуд. Вата крошилась, осыпалась серой пылью, которая тут же висела в воздухе, проникая даже сквозь респиратор, щипая глаза и горло.

- Черт! Да это же пыточный инструмент! – выругался Серж, срывая рукавицу и пытаясь почесть ладонь. -Только хуже – крошечные иглы вонзились глубже.

- Не чеши! – сквозь респиратор прохрипел Влад, чувствуя, как та же адская колючка расползается по его рукам и шее под воротником халата. - Саныч говорил… терпеть.

Работа продвигалась мучительно медленно. Вата не хотела плотно ложиться на трубы, сползала, расползалась. Руки в толстых рукавицах не слушались, движения были неуклюжими. Они спотыкались в полутьме о строительный мусор. Через час спина ныла от неудобной позы, руки горели огнем, лицо под респиратором было мокрым от пота, который смешивался со стеклянной пылью, превращаясь в едкую пасту. Дыхание в респираторе стало тяжелым, свистящим.

Из темноты коридора донеслись голоса. Появилась пара рабочих, неся длинную трубу. Увидев новичков, они замедлили шаг.

- О, глянь-ка, Семён, интеллигенция на трубах вьется! – засмеялся один, широкоплечий, с татуировкой на шее - Ученые мужи! Физики-химики.

- Химики - медики, говоришь? – усмехнулся второй, поменьше - Ну, сейчас мы их полечим. От лени, значит. Он подошел ближе, пнул ногой рулон ваты. - Чего копаетесь? Бабульки в подъезде быстрее обмотают! Тугодумы!

Влад почувствовал, как кровь ударила в лицо. Он хотел что-то сказать, но респиратор и ком в горле от злости и унижения не давали. Серж выпрямился:

- Мы только начали. Разберитесь со своим дерьмом, а от нас от…..сь.

- О-о-о! – заорал татуированный - Горячий! Ученый, и матом ругаться умеет!» Он плюнул на пол рядом с ногой Сержа - Давайте, умники, шевелитесь! А то Саныч вас так отделает, что к мамке в белом халате побежите! - Они ушли, громко смеясь. Влад сжал кулаки в рукавицах. Унижение было горше физической боли. Серж пнул рулон ваты.

- Сволочи…

- Работай, – глухо сказал Влад - Просто работай.

К обеду они кое-как обмотали несколько метров труб. Руки горели, одежда под халатом была мокрой, и казалось, вся пропиталась стеклянной пылью. На спуске вниз, в столовую-вагончик, их догнал Саныч. Он молча осмотрел их работу, пожевал жвачку.

- Кривовато… Но для первого дня сойдет. Жрать – вон там. Только с респираторами не ходите, дураков и так хватает.

Суп в столовой был жидкий, котлеты – резиновые. Но они ели жадно, как волчата. Рабочие за соседним столом поглядывали на них с любопытством и снисходительностью. Разговоры

были о деньгах, выпивке, женщинах и тупости начальства. Язык – грубый, но какой-то свой, простой и понятный. Никакой химии, никаких интегралов. Влад ловил себя на мысли, что эта простота одновременно отталкивает и притягивает. Серж уже пытался вклиниться в разговор, шутить. Его приняли настороженно, но без открытой враждебности. «Студентам» дали понять их место – внизу, но место все же дали.

После обеда работа пошла чуть быстрее. Руки, казалось, немного привыкли к жжению, движения стали увереннее. Они научились плотнее прижимать вату, делать аккуратные стыки. Но усталость навалилась свинцовой тяжестью. Когда закончилась смена, они выползли из здания как разбитые. Стеклянная пыль въелась в кожу, одежду, волосы. Зуд был постоянным, ноющим фоном. Первый заработок казался миражом, оплаченным слишком дорого.

Возвращение в общежитие мединститута было возвращением в другую реальность, чужую и немного враждебную. Николай сидел за столом, окруженный новенькими учебниками по анатомии, его лицо светилось гордостью и предвкушением. Он кивнул им:

- Ну как первый день на воле?

- Как в аду, Коля, – честно выдохнул Серж, сбрасывая грязные ботинки. - Эта вата… Она повсюду!

- А вы в душ, быстро! – поморщился Николай – А одежду и вещи бросьте там в углу.

Они были призраками. Легальный жилец – Николай. Их же присутствие было серой зоной. Они крались по коридорам, боясь встретить комендантшу – Марфу Степановну, женщину с лицом битки и острым глазом на нелегалов. Их комната была их крепостью и ловушкой одновременно. Когда Николай уходил, они могли говорить в полный голос, мечтать о будущих заработках, смеяться над сегодняшними неудачами. Но каждый стук в дверь заставлял замирать: не она ли? Не пришли ли их выгонять?

Комната была маленькой и убогой: четыре железные койки, два шатких стола, шкаф для одежды, который трещал по швам. Окно выходило во двор-колодец, солнце заглядывало сюда лишь на пару часов утром. Стены, окрашенные когда-то в веселый голубой цвет, теперь были серыми от пыли и времени, с разводами и следами былых плакатов. От соседней комнаты, где жили такие же абитуриенты-медики, часто доносились запахи лекарств или спирта – кто-то то ли тренировался в накладывании повязок , то ли дезинфицировался. Для Влада этот запах был теперь как укор.

Спали они на тех же койках, но без права на постельное белье от общежития. Свои спальники казались здесь инородным телом. Вещи хранились в рюкзаках и сумках под кроватями, на случай быстрого бегства. Каждый вечер они мылись в общей душевой, стараясь смыть не только грязь стройки, но и невидимую стеклянную пыль, терзавшую кожу. Каждое утро они уходили затемно, пока общежитие еще спало.

Иногда, поздно вечером, лежа на жестких койках, слушая храп Николая и шум города за окном, Влад ловил себя на мысли: «А что, если они правы были? В приемной комиссии?» Впереди маячил не год свободы, а год тяжелого труда, нелегального существования и этой вечной колючей пыли. Но пути назад не было. Документы лежали в папке под кроватью. Билет в медицину был разорван его же руками. Оставалось только идти вперед, сквозь иглы стекловаты и насмешки рабочих, сквозь страх перед комендантшей и тоску по упущенной возможности. Год передышки только начинался, и первая его страница была написана болью и сомнением. Серж на соседней койке уже похрапывал, улыбаясь во сне, вероятно, видя ресторан, деньги или простор нового города. Влад же смотрел в потолок, где колебался слабый свет от уличного фонаря, и думал о трубах, которые ждали его завтра, и о том, что общежитие, обещанное «позже», казалось теперь самым недостижимым раем.

Глава 5

Денежный поток, тот ручеек, что скупо сочился в кошельки Влада и Сержа, внезапно иссяк. Не просто обмелел – высох, как Сахара в июльский полдень. Наступила Эра Жесточайшей Экономии. Слово "жесточайшая" здесь не просто эпитет, а суровая реальность, где каждая копейка подвергалась допросу с пристрастием, а мечта о сосиске казалась дерзким покушением на финансовую стабильность вселенной.

Великие Умы Обочины (так они себя мысленно величали в минуты особого отчаяния) совершили Первое Открытие Эпохи: Столовая «Спасение». Заведение, где царил дух советского общепита в его наименее аппетитных проявлениях, но обладало одним несомненным преимуществом – Бесплатным Хлебным Эльдорадо. Философия проста до гениальности: закажи стакан чая – жидкости, чей вкус колебался между "сено" и "вода после полоскания кисточек акварелью", – и получай неограниченный доступ к хлебным ресурсам. Хлеб! Священный, душистый, пусть и слегка черствый, символ сытости! Его можно было брать горстями, складывать пирамидами на подносе, строить из ломтей фортификационные сооружения – никто не моргнул бы глазом. Серж и Влад возвели культ Хлеба в абсолют. Они жевали его методично, с видом алхимиков, пытающихся извлечь из мякиша не только калории, но и эфирные питательные субстанции. Они изобретали "бутерброды": хлеб + хлеб, хлеб, смоченный в чае (блюдо под названием "Разочарование"), хлеб, приправленный солью, найденной в кармане куртки после прошлогоднего похода.

Но, как говаривал кто-то мудрый (вероятно, тоже голодный), на одном хлебе и чайной жиже далеко не уедешь. Организмы, изначально не предназначенные для фотосинтеза, начали подавать тревожные сигналы. Мысли путались, желудки урчали маршами протеста, а в глазах при виде нормально обедающих сокурсников вспыхивали зеленоватые огоньки первобытной зависти. Стало ясно: необходима Операция. Масштабная, рискованная, способная переломить ход Голодных Войн. Так родилась легендарная «Операция "К"».

"К" – это не просто буква. Это символ. Символ крахмалистой надежды, подземного сокровища, скромного, но сытного спасителя поколений студентов – Картофеля. План был дерзок и прост, как удар лопатой по мерзлой земле: выдвинуться за пределы каменных джунглей города, отыскать Поле Обетованное, засеянное вожделенными клубнями, и… пополнить стратегические запасы. Термин "пополнить" здесь, конечно, носил ярко выраженный эвфемистический характер. Речь шла о тотальной реквизиции силами двух голодных спецназовцев.

Транспорт – электричка. Не просто поезд, а рикша бедности, дребезжащая карета студенческой судьбы. Ее скрипучие вагоны, пропахшие дешевым табаком, солью и немытой надеждой, были родным домом для всех, кто стремился куда-то, не имея на это особых средств. Влад и Серж втиснулись в толпу, сжимая в руках пустой, но готовый к подвигу рюкзак Сержа. Их лица излучали сосредоточенную решимость агентов, отправляющихся на сверхсекретное задание. Остальные пассажиры видели просто двух задумчивых парней. Они и не подозревали, что в их среде находятся оперативники, готовящие рейд на сельскохозяйственные угодья!

Поле нашлось быстрее, чем можно было ожидать. Оно расстилалось за околицей какой-то забытой богом деревушки – бескрайнее, зеленое, дышащее покоем и… картофельной перспективой. Сердце заколотилось в унисон с тревожными мыслями: "А вдруг сторож? А вдруг собака? А вдруг местные, для которых чужой, копающийся на их поле, – это повод для самосуда с применением вил?" Но голод – лучший катализатор храбрости. Прикинувшись то ли агрономами-практикантами, то ли сумасшедшими любителями геологии (все равно никто не видел), они выбрали стратегически важный участок у края поля, под сенью чахлой березки, и начали Рытье.

Вот тут-то и накрыли их те самые "непередаваемые эмоции при воровстве". Каждый шорох казался шагами преследователя. Каждый крик воробья – сигналом тревоги. Каждый выкопанный клубень воспринимался как Клондайк, добытый ценой невероятного риска. Ладони, непривычные к черенку лопаты (за неимением оной, использовалась затупленная

саперная лопатка, "позаимствованная" у соседа-строителя), покрывались мозолями и землей. Спины ныли. Но азарт! Адреналин! Осознание того, что ты, интеллигентный городской юноша, вдруг превратился в рейдера агропромышленного комплекса! Это был коктейль из страха, восторга и дикого чувства свободы. Они копали лихорадочно, сноровисто, будто родились с лопатой в руках. Рюкзак "Драндулет" на глазах терял форму, расплываясь под тяжестью крахмалистого груза. "Хватит! Бежим!" – прошипел Влад, когда рюкзак стал напоминать перекормленного удава. Один последний, особенно увесистый клубень – "на счастье" – и они, согнувшись в три погибели под тяжестью добычи, засеменили обратно к станции.

Обратная дорога в электричке была триумфальным шествием. Тяжелый рюкзак стоял между ними, как трофей поверженного дракона. Они перешептывались, кидая на него влажные от предвкушения взгляды. Каждая кочка, от которой рюкзак подпрыгивал, заставляла их вздрагивать: "Картошка не помнется? Не вывалится?" Они уже чувствовали себя не ворами, а добытчиками, кормильцами, героями, вернувшимися с поля битвы с трофеями, способными накормить целый… ну, хотя бы их двоих.

Вечер в общежитии стал апофеозом Операции "К". Рюкзак был опорожнен на середину комнаты – гордый холм землистых бугров. Возник вопрос тары. Решение было найдено в духе студенческой солидарности: соседская кастрюля. Не просто кастрюля, а «гигантский чан», обычно используемый для варки борща на пятерых или стирки особо грязных джинсов. Его вид вселял уважение. Добычу тщательно вымыли под ледяной струей в общей кухне (воды не жалели – она-то пока была бесплатной!), очистили от глазков и подозрительных пятен с истинно научным подходом. Затем – священнодействие: погружение клубней в кипящую пучину. Аромат, поднимавшийся из чрева кастрюли, был божественен. Это был запах победы, запах сытости, запах… ну, просто вареной картошки, но в тот момент он затмевал все благовония Востока.

Пока варилось главное блюдо, был запущен финальный этап операции – "Финансовый Штурм". Карманы, щели дивана, заначка на "самый черный день" (который, собственно, и наступил) – все было подвергнуто тотальному обыску. Цель – банка «Соленой Кильки». Рыбешки в масле или томате были не просто едой, это был «символ роскоши», пиршества, недоступного в обычные дни. Собрав мелочь – настоящую мелочь, липкие пятаки, стертые десятки – они, запыхавшиеся, счастливые, совершили набег на ближайший киоск. Банка кильки была приобретена. Она сияла в руках Сержа, как священный Грааль.

И вот оно – действо. Два килограмма дымящейся, рассыпчатой картошки, вываленные горой на единственный более-менее чистый поднос. Рядом – открытая банка кильки, от которой веяло морем (ну, или заводом рыбных консервов где-нибудь в Калининграде, но это неважно!). Соль. Хлеб, конечно же хлеб – вчерашний, из Столовой «Спасения», но теперь он был не основой рациона, а изысканным аккомпанементом. Они уселись. Посмотрели друг на друга. Улыбнулись. И начался «Королевский Ужин».

Каждый кусок картофеля, обмакнутый в масло из-под кильки или просто посоленный, был гимном гастрономическому блаженству. Килька – деликатесом невероятной тонкости. Хлеб – не необходимостью, а приятным дополнением. Они ели медленно, смакуя, с причмокиванием и вздохами полного удовлетворения. Голод отступил, уступив место теплой, крахмалистой тяжести в желудках и чувству абсолютного, ничем не омраченного счастья. Они были королями в своем закопченном общежитии, повелителями картофельных угодий, триумфаторами Голодных Войн. Соседи, привлеченные запахом, заглядывали с завистью:

- Чё, празднуете?

– Да так, – важно отвечал Влад, заедая кильку хлебом, – обычный ужин. Операция прошла успешно.

Так закончился этот день. Операция "К" вошла в анналы их личной истории как пример блистательной импровизации, дерзости и умения выживать с юмором. Потом будут другие

дни, другие авантюры, возможно, даже появятся деньги. Но тот вечер, тот королевский ужин, из краденой картошки, и купленной на последние копейки кильки, съеденной в обшарпанной общаге под треск лампочки без абажура, – он останется в памяти, как символ молодости, дружбы, и той особой, горьковато-сладкой свободы, которая дается только тогда, когда терять уже нечего, кроме чувства голода. И когда знаешь, что даже в самой безнадежной ситуации можно отыскать поле, выкопать картошки и устроить себе пир, достойный королей… пусть и королей на час, королей картофельного престола. Ирония судьбы? Возможно. Но ирония, сдобренная таким неподдельным, таким насущным счастьем, что и спустя годы вызывает лишь теплую улыбку и легкое урчание в желудке на уровне подсознания. Ведь это был не просто ужин. Это был «Триумф Жесточайшей Экономии», одержанный с помощью лопаты, рюкзака и банки дешевой соленой рыбешки.

Глава 6

Дело неумолимо двигалось к зиме. За окнами общежития, где ютились Влад и Серж, Иркутск уже примерял осенний наряд, невеселый и влажный. Тополя и липы, еще недавно пылающие золотом и зеленью, теперь стояли понуро, сбрасывая последнюю листву под настойчивым напором ветра с Байкала. Воздух прозрачен и колок, им больно дышать по утрам. Влад, стоя у маленького запотевшего окошка, смотрел, как дым из труб соседних домов стелется низко и густо, будто цепляется за землю, не в силах подняться в ледяную высь. Он знал. Знать – это было мало. Он чувствовал костями, помнил кожей те декабрьские, январские, февральские морозы, что в Иркутске не просто холодают, а «выжимают» жизнь, превращая выдох в ледяную пыль, а улицы – в белые, безмолвные коридоры смерти под сорокаградусным небом. Знание это было тяжким камнем на душе.

Серж, его друг из теплого Краснодара, где зима – это легкий насморк природы, этого понимать отказывался. Он сидел на почти развалившимся стуле и сосредоточенно чистил свои единственные приличные ботинки ваксой, доставшейся бог весть откуда. На лице – спокойствие, почти благодушие.

— Опять за окном завис? — спросил Серж, не отрываясь от ботинка. — Морозишься, а там ветер. Закрой форточку, дует.

Влад обернулся, его лицо было напряжено.

— Не дует, Серж. Веет. Пока веет. А скоро задует так, что форточка не спасет. Ты хоть представляешь, что такое минус сорок? Это не просто «ой, холодно». Это когда металл к коже прилипает. Когда дыхание замерзает решеткой на шарфе. Когда выйти на пять минут – уже подвиг. И это не день, не два… Месяцы, Серж! Месяцы!

Серж отложил щетку, посмотрел на Влада с легким недоумением.

— Ну, знаешь…. Люди же живут как-то? Миллионы! Не замерзают. У нас есть крыша над головой, работа. Аванс получили – небось, первый раз за два месяца по-человечьи поели. Живот не сосет. А ты опять про морозы. Нашел о чем переживать. Одежду какую-нибудь стянем, валенки…. Обживемся.

— «Стянем»? — Влад горько усмехнулся, подошел к своей койке, сел на скрипящие пружины. — Ты посмотри на нас, Серж! На что мы похожи? Рабочие штаны, телогрейки, которые на помойке нашли, да эти… — он мотнул головой в сторону Сержа с его ботинками, — единственные «цивильные» ботинки. Где мы «стянем» полушубки, валенки, шапки-ушанки? На одну зарплату? Да мы на хлеб с салом еле наскребем! И это если повезет, а не сократят.

Он помолчал, глядя на голые, обшарпанные стены общежития. Пахло сыростью, дешевым табаком и чем-то затхлым.

— Надо что-то предпринимать, Серж. Пока не поздно. Либо закупаться – но это фантастика. Либо…. Либо перебираться. Куда-нибудь. Туда, где земля зимой не каменеет. На юг.

Слово «юг» повисло в воздухе. Мысль о возвращении домой, в родной город и поселок, который они покинули с такими надеждами, даже не возникала. Это было невозможно. Невыносимо стыдно. Письма домой Влад писал регулярно, аккуратным почерком на дешевых листах из школьной тетради. Писал, что не прошел по конкурсу в местный вуз (полная правда, вот только конкурс этот был лишь в их воображении), что решил остаться в Иркутске на год, поработать (правда), походить на курсы подготовки (чистейшая ложь). «Все в порядке, мам, не волнуйся. Деньги есть, живу нормально. Все под контролем». Каждое слово было ножом, но писать иначе он не мог. Такие же успокаивающие, лживые письма писал домой и Серж. Они создавали параллельную, благополучную реальность для тех, кто ждал их там, в тепле.

Жизнь, правда, налаживалась. Чуть-чуть. Получили аванс – смешные деньги, но хватило на хлеб, картошку, дешевую колбасу и пачку «Беломора». Острая, грызущая живот тоска от постоянного голода отступила, ушла на второй план, уступив место другим, не менее грозным проблемам. Главной, из которых, была неотвратимо приближавшаяся зима. Она чувствовалась во всем: в хрусте первого утреннего льдка под ногой, в стальном отблеске подмерзших луж, в коротком, жалком дне, который крался по небу, словно вор. Серж, сытый и обнадеженный авансом и относительной стабильностью, продолжал относиться к угрозе с инфантильным легкомыслием. Он болтал о том, как согреются в бараке, о возможной премии, о девчонках из конторы. Его беспечность злила Влада, но уже не удивляла. Краснодарское солнце, видимо, навсегда выжгло в Серже инстинкт самосохранения перед сибирской зимой.

И Влад стал думать всерьез. Думать о бегстве. О теплых краях. О солнце, которое греет, а не слепит ледяным блеском. Мысль о переезде, сначала смутная и пугающая, крепла с каждым днем, с каждым новым порывом студеного ветра. Но для бегства нужны были деньги. И не малые. Нужен был билет, хоть какой-то запас на первое время. Зарплата уходила на еду и самые необходимые мелочи. Надо было искать ресурсы внутри себя. Вернее, внутри своего скудного имущества.

В одно воскресное утро, когда серое небо едва светлело на востоке, а на земле лежал хрустящий иней, Влад встал раньше всех. Он долго копался в своем углу, вытаскивая вещи, аккуратно сложенные на дне старого чемодана. Новые рубашки, купленные еще дома в предвкушении студенческой жизни – одна в тонкую голубую полоску, другая белоснежная. Два галстука – скромный синий и праздничный, с едва заметным узором. Запасные туфли, почти не ношеные, с блестящими носками. Сам чемодан, добротный, кожзаменитель, с хромированными замками – символ отъезда, надежд. Все это было ему сейчас не просто не нужно – это было опасно. Это был балласт, который мог стоить жизни. Он аккуратно сложил вещи в большую авоську, взвалил чемодан на плечо и, не разбудив Сержа, который сладко посапывал, ушел.

Рынок уже гудел, как разбуженный улей. Пахло дымом, жареными семечками, влажной землей от привезенных овощей, дешевым парфюмом и немытыми телами. Влад нашел относительно свободное место у забора, расстелил кусок старой газеты и стал выкладывать свой товар. Рубашки он развесил на гвозде, торчащем из забора. Туфли поставил рядом. Чемодан открыл, демонстрируя его добротность. Галстуки аккуратно разложил сверху. Он чувствовал себя неловко. Не торговцем. Перебежчиком, продающим прошлое ради будущего.

Торговался он отчаянно, сжав зубы. Каждая копейка была на вес жизни. Голубая рубашка ушла к щеголеватому мужичку, пахнущему самогоном. Белая – к пожилой женщине, видимо, для сына или внука. К синему галстуку приценивался студент, но так и не купил. Праздничный – увел какой-то дед, явно для редких выездов «в люди». Туфли долго мерил угрюмый парень, но в итоге сторговался за полцены. Влад спорил, но взял – лучше хоть что-то, чем ничего. Чемодан купила бойкая бабка-перекупщица, сразу заломив смехотворную цену. Влад, чувствуя, что силы на исходе, согласился. Она тут же сунула его под прилавок, наверное, чтобы перепродать втридорога.

Когда авоська опустела, а в кармане зашуршали мятые купюры, и звякнула мелочь, Влад почувствовал странную пустоту. И облегчение. Он остался с тем, что было на нем: с поношенной кожаной курткой, грубыми рабочими ботинками, протертыми на коленях штанами. В спортивной сумке из дешевого дерматина, которая теперь заменяла чемодан, лежало немного белья, пара носков, бритвенный станок, потрепанный блокнот и главное сокровище – старый, зачитанный до дыр «Справочник железных дорог СССР». Остальное все было продано. Обменяно на призрачный шанс.

Он купил у старушки на краю рынка кусок еще теплого, душистого хлеба и бутылку шипучки «Буратино». Поел, стоя, опершись о холодный кирпич забора. Хлеб казался невероятно вкусным. Пахло свободой. Деньги в кармане шелестели обещанием.

А потом случилось то, что окончательно развело их пути. Им дали место в общежитии. Не в шикарном, конечно, а в старом, панельном, с длинными темными коридорами, и общим душем на этаже. Но это была своя комната! Пусть на двоих, пусть с побитыми столами и скрипучими кроватями, но своя! С окном, дверью, которую можно закрыть. Серж ликовал.

— Видишь! — кричал он, запрыгивая на свою койку, отчего та жалобно заскрипела. — Говорил же! Обживемся! Теперь точно зиму пересидим! Тепло, сухо! Чего еще надо? Морозы? Пф! Закупоримся, как мишки в берлоге! Ты куда собрался? Оставайся! Ташкент подождет!

Он был искренне счастлив. Обретенное общежитие казалось ему крепостью, дворцом. Влад смотрел на ликующий танец друга, на голые стены комнаты, на маленькое окно, за которым уже кружились первые снежинки. И понимал, что для него это – ловушка. Красивая, уютная, теплая сейчас. Но ловушка. Он видел за окном не снежинки, а предвестников того мороза, который проберется и сюда, в щели старых рам, в тонкие стены. Который, заставит дрожать под одеялом даже в «берлоге». Он чувствовал не тепло батарей, а ледяное дыхание грядущей зимы, сжимающей город в тиски.

— Нет, Серж, — сказал он тихо, но твердо. — Я еду. Окончательно. Ташкент.

Решение созрело и закалилось, как сталь. Оно было единственно верным. Город на юге, где даже зимой +5 – это уже холод. Где солнце. Где нет этого вечного страха перед ледяным адом.

План был прост и бесхитростен, как сама жизнь «зайца». Электричка до первой станции – билет всего 20 копеек. А дальше – товарняки. Теплушки, платформы, сцепки. Деньги, вырученные на рынке и полученная накануне зарплата, были тщательно подсчитаны. Хватит. На хлеб, на воду, на самые необходимые траты в пути. Надежда – единственный багаж.

Влад не стал писать заявление об уходе. Зачем? Трудовая книжка? Она ему была не нужна. Да и сомнительно, чтобы ее вообще завели на временного разнорабочего. Утром, когда Серж еще спал, посапывая под одеялом в тепле их «берлоги», Влад встал. Быстро собрался. В спортивную сумку положил буханку черного хлеба, завернутую в газету, и бутылку желтого лимонада «Тархун». Больше ничего не было. Надел свою кожаную куртку, потрепанную, но еще крепкую. В кармане – паспорт, деньги и тот самый замусоленный справочник железных дорог – его карта к спасению.

Он вышел на улицу. Утро было морозным, хрустальным. Воздух звенел, как тонкое стекло. Снега еще не было, но земля была тверда, как камень, покрытая инеем, искрящимся в косых лучах невысокого солнца. Вокзал встретил его гомоном, гулом прибывающих и отходящих поездов, запахом дыма, мазута и человеческой толчеи. Он купил билет на электричку до станции «Половина» — первая остановка за городом. За 20 копеек. В кармане зашуршали сдачей. Он прошел через турникет, смешавшись с толпой таких же, как он – рабочих, дачников, студентов.

Электричка была старенькой, продуваемой, с жесткими сиденьями. Влад сел у окна. Сумка с хлебом и лимонадом стояла у ног. Он смотрел, как проплывают за окном последние пригородные домики Иркутска, заборы, пожелтевшие поля, редкие перелески. Город оставался

позади. Вместе с Сержем, с бараком, с общежитием-ловушкой, с гнетущим страхом перед надвигающейся белой смертью. Он не знал, что ждет его в Ташкенте. Не знал, как далеко уедет на этой электричке – может, до последней станции, а может, только до первой, если погонят. Не знал, сколько ночей придется провести под открытым небом в теплушке товарняка. Знание придет. Потом.

Сейчас же, глядя на убегающие рельсы, на бескрайнюю, холодную, но такую прекрасную в своей суровой свободе сибирскую землю, Влад чувствовал одно: на душе был праздник. Трудный, выстраданный, купленный ценой проданных рубашек и лживых писем, но – праздник. Праздник бегства к солнцу. Праздник начавшегося пути. Он положил руку на сумку, где лежал хлеб его свободы, и глубоко вдохнул колючий воздух дороги.

Глава 7

Влад пристроился у окна, откинув голову на прохладное стекло. За окном мелькали поля, редкие перелески, дачные домики с покосившимися заборами. Солнце только недавно взошло, окрашивая вагон в теплые, почти медовые тона.

Электричка шла неспешно, и чем дольше ехали, тем сильнее Влада охватывала странная смесь умиротворения и тревоги. Он выбрал место в середине поезда и в середине вагона — так контролёры добирались дольше всего. Можно было спокойно смотреть в окно, думать о своём.

Свободных мест было достаточно, но постепенно вагон заполнялся. Молодёжь с гитарами, усталые рабочие, бабушки с авоськами — все сливались в один шумный поток. Влад ловил обрывки разговоров, улыбался чьим-то шуткам, но сам оставался в стороне.

На одной из станций в вагон вошли двое.

Сначала Влад услышал скрип протеза, потом увидел их: двое пожилых мужчин, один — с пустым рукавом, закатанным у плеча, второй — опирался на палку, его правая нога неестественно выворачивалась при каждом шаге. На пиджаках у обоих висели медали, но не парадным строем, а как попало — будто их прицепили второпях.

— Садись тут, — хрипло сказал однорукий, указывая на свободное место.

Безногий кивнул, тяжело опускаясь на сиденье.

— Спасибо, Петрович. А то нога сегодня совсем не своя…

— Да ладно, — махнул тот здоровой рукой. — Доедем как-нибудь.

Влад невольно отвел взгляд, но образы стариков-инвалидов уже врезались в память. Они напомнили ему отца.

Григорий Гаврилович, капитан запаса, редко надевал ордена — только по большим праздникам. И никогда не рассказывал о войне. Влад с братом Александром пытались расспросить его, но сталкивались с глухой стеной.

— Пап, ну хоть что-нибудь… — приставал когда-то Саша.

— Что «что-нибудь»? — отрезал отец. — Война — она не для рассказов.

И только однажды, на День Победы, когда за столом сидел сосед, такой же седой и грузный, как отец, Влад услышал обрывки воспоминаний.

9 мая. Разговор за столом:

— Ну что, Гриша, помнишь Манчжурию? — сосед налил себе сто грамм, чокнулся с отцом.

Тот помолчал, потом тихо сказал:

— Как забыть…

— А расскажи-ка молодым, — подзуживал сосед, кивая на Влада и Сашу, которые притихли в дверях.

Отец вздохнул, отпил из рюмки.

— Ладно…. Только один раз.

И начал рассказ.

9 августа 1945 года. Накануне к нам приехал генерал. Выстроил всех и говорит:

- Если завтра к вечеру ваши танки будут на той сопке — каждый получит Героя Советского Союза.

Мы тогда даже не знали, что утром начнётся война с Японией.

Я командовал взводом разведки — три танка. На погонах — две звёздочки. Лейтенант.

Перед рассветом двинулись. Шли быстро, без приключений. К полудню уже были на той самой сопке. А к вечеру — и на следующей.

Впереди шёл мой зам, Яшка. Вдруг по рации: «Командир, впереди двое японцев. Ведут колонну пленных китайцев».

Мы подъехали. Японцы увидели нас — и тут же сделали себе харакири. Перерезали горло. Один умер сразу, второй ещё дергался в луже крови.

Яшка стоял бледный, пистолет в руке дрожал.

— Добивай, — сказал я.

Он выстрелил. Один раз. В спину.

Китайцам сказали расходиться и поехали дальше.

Через час Яшка снова вышел на связь: «Командир, впереди домик. Японцы».

Подъехали. Дали залп. Один снаряд угодил прямо в окно — попал в пирамиду с оружием. Взрыв, дым…

Когда рассеялось, подошли ближе. Японцы, кто уцелел, нырнули в подпол. Мы стали их вытаскивать…

А они все — с перерезанными глотками.

Вот так и закончился наш первый день войны.

Героев, конечно, не дали….

Влад вздрогнул, когда электричка резко затормозила. Пожилые инвалиды поднялись, готовясь к выходу.

— Ну, поехали, — кряхтя, поднялся Петрович.

— Пошли… — вздохнул его товарищ.

Они медленно заковыляли к выходу. Влад смотрел им вслед, а в голове снова звучал голос отца.

«Война — она не для рассказов».

Но иногда — только иногда — о ней всё-таки стоит говорить.

Глава 8

Электричка, устало позванивая стыками рельсов, продолжала плестись сквозь начавшиеся сумерки. Она то и дело замирала у безликих столбов, будто переводя дух. Отсутствие контролеров было для Влада маленькой удачей в этом монотонном пути. Гул колес убаюкивал, и мысли снова понесли его в тот далекий вечер Девятого мая, к отцовскому голосу, звучавшему над столом, уставленным скромными солдатскими яствами. В памяти всплыл **Эпизод 2**, рассказанный отцом.

«…Шли уже вторые сутки по чужой, выжженной солнцем земле. Пыль, густая как мука, забивала всё – глотку, глаза, скрипела на зубах. Танкисты вымотались вконец, мечтали хоть о короткой передышке, где можно размять закостеневшие члены и глотнуть воды, не опасаясь снайпера. К вечеру вышли к речушке. Вода, неширокая, но быстрая, сверкала в косых лучах заката. Через нее был перекинут добротный деревянный мост, крепко сколоченный из темного, смолистого леса. Казалось, сама удача: форсируй с ходу – и вот он, желанный привал на том берегу, где уже стелились вечерние тени.

Но командиры, подъехав первыми, решили не спешить. «Давайте перекур устроим здесь, пока свет есть, да и мост проверим на всякий пожарный», – предложил наш комбат, тяжело сползая с брони. Его примеру последовали другие. Скоро весь берег огласился негромким говором, вспыхивали спички, запахло махоркой. Отдышались, покурили – пора и в машины.

И тут, как из-под земли, на том берегу возникла фигура. Человек бежал к нам что есть мочи, отчаянно размахивая руками, кричал что-то невнятное, но явно предупреждающее. Мы замерли, наблюдая. Странный бегун – невысокий, в какой-то не то гражданской, не то военной форме – достиг моста и ринулся по нему навстречу нашим танкам! Все смотрели, недоумевая. Он добежал до самой середины… и вдруг исчез! Будто провалился сквозь доски. Через мгновение появился вновь, но теперь уже мчался обратно, к своему берегу, еще быстрее прежнего.

– Эй, стой! Куда?! – закричали ему наши солдаты, тоже замахав руками.

– Что за чертовщина? – пробурчал механик-водитель рядом со мной.

Японец (а это был диверсант, как потом выяснилось) выскочил на свой берег и юркнул в кусты, словно испуганный зверек. Не успело смолкнуть эхо наших окликов, как страшный грохот разорвал вечернюю тишину. Мост взметнулся в воздух на миг гигантским огненным цветком, рассыпаясь на щепки и обломки. Грохот эхом прокатился по долине. Мы стояли, ошеломленные, глотая едкую гарь. Оказывается, под самой серединой моста была заложена мощная шашка, и этот «горец» ее и активировал. Так мы и застряли у этой проклятой речки на целых три дня, пока саперы не навели хоть какую-то переправу…»

Отец замолчал, его лицо, изборожденное морщинами, было сурово. Он достал свою вечную трубку, а его сосед, такой же седой ветеран с орденской колодкой на потертом пиджаке, – пачку папирос «Север». Зажгли. Дымок заклубился над столом.

– Дааааа… – протянул сосед, задумчиво глядя на тлеющий окурок. Голос у него был хрипловатый, будто простуженный. – У нас на германском тоже всяко бывало. Непредсказуемая штука – война. – Он аккуратно потушил бычок в жестяной пепельнице.

Отец выбил пепел из трубки о край стола, звонко постучав ею. Его глаза, обычно теплые, сейчас были полны какой-то старой, невысказанной горечи.

– У нас в роте, знаешь, – начал он снова, наливая себе и соседу по рюмке прозрачной жидкости, – два Героя Советского Союза было. Прошли всю войну, от Москвы до Берлина, хоть бы царапина! А вот у нас им очень не повезло… – Он махнул рукой и, не чокаясь, опрокинул рюмку. Сосед кивнул и последовал его примеру. Отец тяжело вздохнул и начал:

«…Стояли как-то на привале в сосновом бору. Воздух – чистый, пьянящий смолой, после гари и пороха. Справа от дороги лежали аккуратные штабеля свежеспиленных бревен – золотистых, пахнущих древесной силой. Один из Героев, Генка, парень удалой, цыганской смуглоты, весь из себя живой как ртуть, спрыгнул с башни своего танка. «Разомну косточки, подышу!» – крикнул он. У него за поясом комбинезона, как положено, висела «лимонка».

Прыжок он сделал резкий, согнувшись в полете. И вот тут случилось роковое: кольцо гранаты мертвой хваткой зацепилось за пуговицу на его груди. Выпрямляясь, Генка инстинктивно рванулся – и выдернул чеку! Глаза его расширились от ужаса. Мы все, кто был рядом, замерли, увидев знакомый желтый бочонок с характерным рычажком у него на поясе.

– Ложись!!! – заорал он диким, сорванным голосом, лихорадочно дергая гранату, пытаясь отстегнуть ее или сорвать пояс. Но что-то заело, намертво! Доли секунды – и взрыв неминуем. Видя это, Генка метнулся к ближайшему штабелю бревен и нырнул под него, прижимаясь к земле.

И в этот самый миг его друг, второй Герой, Федя – здоровенный, добродушный увалень, – только что открыл люк башни своего танка, стоявшего неподалеку. Он высунулся по пояс, вдохнуть полной грудью этот чудесный лесной воздух. Его лицо было спокойным, даже умиротворенным…

Раздался оглушительный взрыв. Граната рванула под бревнами. Одно из них, расколотое ударной волной, выстрелило длинной, острой щепой, как стрела. Она вонзилась Феде прямо в незащищенный очками-«триплексами» глаз. Он даже не вскрикнул, просто рухнул назад, в башню.

Мы кинулись к нему, к штабелю…. Под бревнами… Генка лежал бездыханный, развороченный собственной гранатой. Федю еще дышащего вытащили… но глаз… и осколки в голове… Так, в одно мгновенье, на мирном привале, из-за проклятой пуговицы, погиб один Герой и навсегда остался инвалидом другой…»

Резкий скрежет тормозов вырвал Влада из мрачных военных картин. Электричка, вздрогнув всем корпусом, замедляла ход у платформы конечной станции. В салоне задвигались, зашумели пассажиры, снимая сумки с полок, пробираясь к выходам. Серое сумеречное небо смотрело в запотевшие окна. Владу повезло: контролеров не встретилось за всю дорогу. Без лишних приключений, с тяжелым грузом отцовских воспоминаний в сердце, он вышел на пустынный перрон, направляясь к зданию станции.

Глава 9

Зала ожидания встретила Влада не радужным гомоном и суетой, а скорее сонным полумраком и разреженной тишиной. «Негусто как-то…» – констатировал он мысленно, и это ему решительно не понравилось. План был прост: перекантоваться здесь до утра, растворившись в безликой массе транзитных пассажиров. А в такой прозрачной, почти стерильной атмосфере,

где каждый стул на счету, а взгляд дежурного милиционера неминуемо натыкается на твою одинокую фигуру, раствориться было задачей архисложной. Влад уже мысленно слышал неизбежные вопросы: «Документик? Куда путь держите? И чего это вы тут ночуете, гражданин?» Вопросы, на которые у него не было ни малейшего желания отвечать честно, а придумывать что-то на ходу – занятие нервное.

Спасительным якорем стало расписание движения поездов, прибитое к стене. Влад уткнулся в него с видом заправского железнодорожного стратега. Его интересовали не шикарные «красные стрелы», а скромные труженики путей – те составы, что прибывали под занавес ночи или отбывали с первыми лучами. «Поздно ночью… или рано утром…» – бормотал он себе под нос, водил пальцем по колонкам цифр. «Ага… этот прибудет в ноль-ноль-пять… а этот отправится в пять сорок… Идеально». Минуты упорного изучения, и в голове сложилась более-менее правдоподобная «легенда»: он – пассажир одного из этих неприметных ночных поездов, задержавшийся на пересадке. Просто, как валенок, и достаточно убедительно для сонного милицейского взгляда. С чувством выполненного долга Влад отправился на поиски спального места.

Выбор был, чего греха таить, богатый. Свободные диваны маячили тут и там. Но Влад, как истинный конспиратор, выбрал самый укромный уголок – там, где свет тусклой лампочки едва достигал пола, а тени сгущались в непроглядный бархат. Уголок был настолько удален от основных троп, что казалось, здесь даже пыль оседает с особым, сонным благоговением. Спортивная сумка, не без изящества превращенная в подушку, деревянная лавка, кожаная куртка словно одеяло – вот и вся ночная роскошь. «Пятизвездочный «Угол», – усмехнулся он про себя, устраиваясь поудобнее. Усталость накрыла его мгновенно, как теплая волна, унося в сторону забытья.

Разбудил его не петух и не будильник, а громыхающий какофонический скрежет. Кто-то с нечеловеческим усердием двигал деревянные диваны по каменному полу. Влад приоткрыл один глаз, потом второй. Светало. Перед ним маячила фигура уборщицы в синем халате, с лицом суровым и непоколебимым, как скала, и с такой же массивной шваброй в руках. Она методично освобождала пространство для утреннего нашествия воды и мыла.

– Гражданин! – голос у нее был низким, хрипловатым от утренней прохлады или вечного недовольства. – Подъем!

Влад мгновенно сообразил, что «Угол» его гостеприимством на сегодня исчерпан. Он вскочил и схватил теплую сумку.

– Уже, тетенька, уже! – бодро отозвался он, стараясь придать голосу бодрости, которой не чувствовал. – Просто пересадка, заснул…

– Пересадка, говоришь? – Уборщица прищурилась, оценивающе окинув его с ног до головы. – Ну, пересаживайся побыстрее, а то тут сейчас фонтан будет! Ишь, место выбрал – самый дальний угол. Думал, не найду?

– Да я так…здесь потише, – смущенно пробормотал Влад, торопливо натягивая куртку.

– Потише… – фыркнула она, уже отворачиваясь и принимаясь энергично двигать диван на новое место. – Знаем мы этих «тихих»! Только успевай за вами убирать.

Народу в зале действительно было – кот наплакал. Каждый новый человек, особенно молодой мужчина, выглядывающий из темного угла, автоматически становился объектом пристального, пусть и сонного, внимания. Вероятность, что на него обратят внимание, подскочила до неприличных высот. «Пора валить», – констатировал Влад. Сборы заняли мгновение – подпоясался потуже («нищему собраться – подпоясаться»), взметнул сумку на плечо – и он уже шагал по перрону.

Утро встретило его свежим, почти колючим дыханием. Остатки сна сдуло мгновенно, как паутину. Влад глубоко вдохнул, ощущая, как холодный воздух бодрит легкие. Теперь главное – сориентироваться. Куда бегут эти рельсы? Он окинул взглядом бесконечные пути, уходящие

в утреннюю дымку. «Туда!» – мысленная стрелка указала направление. И тут же, словно сама судьба решила подыграть его спешке, раздался протяжный, скрежещущий стон тормозов, а затем – глухое урчание дизеля. Один из «товарников», стоявший неподалеку, ожил. С грохотом сцепились вагоны, состав медленно, с ленцой, тронулся с места, набирая ход как раз в нужном направлении.

Сердце Влада учащенно забилось. Он припустил рысцой вдоль состава, высматривая подходящую «карету». И вот он – темно-коричневый, видавший виды вагон с приоткрытой дверью. Без раздумий, набрав скорость, Влад ловко, почти грациозно, оттолкнулся и запрыгнул внутрь. Дверь захлопнулась за его спиной с глухим стуком. Внутри царил полумрак, пахло древесиной, пылью и чем-то маслянистым. Зато здесь было сухо и, главное, не дуло. «Ну вот, уже лучше, чем на вокзальной лавке», – с удовлетворением подумал он, устраиваясь на каком-то ящике. Вагон покачивался, стуча колесами по стыкам, убаюкивающе и ритмично. Путешествие началось.

День выдался на редкость насыщенным и, по меркам бесплатного проезда, даже удачным. Поезда сменяли друг друга, как декорации в странном спектакле. На одной станции Влад выскочил, чтобы размять затекшие ноги и купить у старушки у перрона пару еще теплых пирожков с капустой. На другой – удалось умыться ледяной водой из колонки, что было сродни утреннему подвигу. А на третьей, более крупной станции, его осенило: надо написать родителям. Весточка. Чтобы не волновались зря.

Он нашел зал ожидания попросторнее, купил конверт, марку и листок в клеточку. Усевшись в углу, он принялся выводить буквы, стараясь сделать почерк ровным и уверенным. «Дорогие мама и папа! Все в порядке, у меня все хорошо. Сейчас я в пути, еду…» Тут перо замерло. Куда еду? Правда была слишком уж… специфична. Влад закусил губу, потом огляделся. На стене висел плакат: «Комсомольцы! На стройки века!». Газетный киоск пестрел заголовками о последствиях недавнего страшного землетрясения в Ташкенте, о всесоюзной помощи городу. Идея созрела мгновенно, как мыльный пузырь. «…еду с группой ребят-комсомольцев в Ташкент. Да, представляете? Призвали помочь, город ведь из руин поднимать надо. Работа предстоит большая, но нужная! Не волнуйтесь, все будет хорошо. Как устроюсь – напишу подробнее. Целую крепко. Ваш Влад».

Он перечитал написанное. Святая ложь? Безусловно. Но в ней, как ему казалось, мерцала искорка правды: он «действительно» ехал. Он «действительно» собирался как-то устраиваться. И работа – любая – ему предстояла. А уж поднимать ли из руин город, или просто самого себя из текущих обстоятельств – какая, в сущности, разница для родительского сердца? Главное – звучало бодро, патриотично и давало надежду. Он аккуратно сложил письмо, запечатал, опустил в синий почтовый ящик у вокзала. «Ну вот, теперь хоть совесть чиста», – с легкой иронией к самому себе подумал он, направляясь обратно к путям в поисках нового «попутчика».

К вечеру он сменил уже третий, а то и четвертый состав. Ноги гудели, спина ныла от непривычных поз, но на душе было странно легко. Была в этой беготне, в этой импровизированной свободе перемещения по бескрайним рельсам страны, своя романтика. Пусть романтика с налетом легкой бродяжьей беспечности и постоянным привкусом пыли на губах. Он снова сидел в полутемном вагоне, уже другого «товарника», глядя через приоткрытую дверь, как за ней мелькают огоньки далеких деревень, сливаясь в золотые нити на бархате наступающей ночи. Вагон скрипел, подрагивал, но внутри было тихо и по-своему уютно. Влад достал последний пирожок, купленный днем, и отломил кусочек. Путь продолжался. Куда? Пока это был просто Путь. И в этой неопределенности, странным образом, тоже было свое очарование. Он улыбнулся в темноту вагона. «С Ташкентом хорошо получилось… А это лучше чем в Магадан. Намного лучше! » – мысленно пошутил он над собой, удобнее устраиваясь на мешке с чем-то мягким. Главное – ехать. Остальное – как-нибудь устроится.

Глава 10

Влад в последний раз оглянулся по сторонам — ни души. Сжав в руке смятую газету, он ловко вскарабкался на тормозную площадку товарного вагона. Поезд стоял, но вот-вот должен был тронуться, и Влад знал — в нужном направлении. Он аккуратно разложил газету на ржавом полу, сел, свесив ноги на нижнюю ступеньку, и замер в ожидании.

Через минуту состав дрогнул, вагоны глухо заскрипели, и медленно, словно нехотя, поезд начал движение. Влад обернулся: одноэтажное ветхое здание станции, название которой он даже не запомнил, постепенно удалялось, растворяясь в утренней дымке. Последние покосившиеся домишки проплыли мимо, и вскоре открылась бескрайняя степь, окаймленная вдали синими горами. Воздух был свеж и прозрачен, пах полынью и нагретыми рельсами.

Сначала Влад с интересом разглядывал мелькающие пейзажи: бесконечные степи, леса, перелески, холмы, поросшие ковылем. Но постепенно однообразие дороги начало утомлять, и мысли его поплыли в прошлое.

Память вернула его в детство.

Мать ушла на работу, оставив его с братом дома. Влад, тогда еще маленький, залез на подоконник — просто так, от скуки. Брат сидел на полу, увлеченно собирая что-то из кубиков, и даже не заметил, как Влад, неловко повернувшись, зацепил штору. Раздался треск, кольца со звоном рассыпались по полу, а ткань тяжело сползла вниз.

— Ой… — только и успел выдохнуть Влад.

Брат резко поднял голову, глаза его округлились.

— Влад! — прошептал он, бледнея. — Мама тебя убьет за это!

Влад и без того понимал, что натворил. Сердце бешено заколотилось, в горле пересохло. Он молча слез с подоконника и, не дожидаясь наказания, пошел в угол, уткнувшись лбом в холодные обои.

— Что ты делаешь? — спросил брат.

— Стою, — пробормотал Влад.

— Ну и дурак… Мама же еще не пришла.

— А когда придет, я уже буду стоять. Может, не так сильно будет ругать.

Брат вздохнул, подошел и потрогал штору.

— Может, починим?

— Как? — Влад недоверчиво повернулся.

— Не знаю… Привяжем?

Они попытались натянуть ткань обратно, но безрезультатно — кольца были сломаны. Влад снова забился в угол, а брат сел рядом, обхватив колени.

— Ладно, — сказал он через паузу. — Скажем, что это я.

Влад удивленно посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что ты маленький. Тебя жалко.

Влад не помнил, чем тогда все закончилось. То ли мама действительно отругала брата, то ли оба получили по заслугам. Но сейчас, глядя на бескрайние степи и леса за окном товарняка, он вдруг почувствовал острую грусть и одиночество.

Солнце поднялось выше, отбрасывая длинные тени от редких деревьев. Ветер гулял в траве, волны ковыля бежали по холмам, сливаясь с горизонтом. Где-то вдали сверкнула узкая лента реки, извивающаяся между камней.

Влад закрыл глаза, чувствуя, как вагон покачивается на стыках рельсов. Он не знал, куда едет, что его ждет впереди, но это его особо не пугало.

- Может, все это зря - мелькнула мысль, - сидели бы сейчас с Серегой-Сержем в теплой комнате и обсуждали конторских девиц.

Но поезд уже набирал скорость, увозя его все дальше и дальше на запад. Впереди были новые города, новые люди, новые истории.

Глава 11

Путешествие продолжалось. Красноярск, этот гигант на Енисее, остался позади, растворившись в дымке и стуке колес. Пока что фортуна улыбалась – ни зацепок, ни лишних глаз. Но одна мысль точила Влада, как ржавчина: Новосибирск. Там, на этом железнодорожном перекрестке мира, ветка расходилась. На юг, к теплу , или прямо – на Москву, в объятия совсем других "гостеприимных" структур. Товарняк, на котором он ехал, мог пойти в любую сторону. "Ну, машинистов-то не пораспрошаешь: “Братки, а куда путь держите?” – с легкой усмешкой подумал Влад. – "Ладно, Новосибирск большой, там и придумаем что-нибудь. Не впервой. Если что, повторю вариант с электричкой, которая пойдет по южной ветке."

Состав, кряхтя, притормозил на каком-то затерянном полустанке. Название стерлось от времени и непогоды, платформа была пустынна, лишь пара чахлых березок да покосившийся сарай составляли компанию. Влад, чтобы размять затекшие ноги, вышел и пошел вдоль вагонов. И тут, на одной из «тормозных площадок», его взгляд наткнулся на... сюрприз.

Сидел парнишка. Лет двенадцати, не больше. Но вид! Одежда – пестрый симбиоз грязи и ветхости, джинсы с историей (и дырой на колене), куртка, похожая на поле боя, а лицо –

смуглое, с парой «невероятно живых, черных глаз», которые смотрели на мир без тени страха, скорее с вызовом. Напротив Влада сидела сама бойкая беспризорность.

– Эй, друг! – строго окликнул Влад, хотя уже догадывался. – Ты чего здесь делаешь? Кто такой?

Мальчишка не смутился ни на секунду. Он мгновенно «раскусил» попутчика – свой чует своего. Улыбка озарила его закопченное лицо.

– Дима! – бодро отрапортовал он. – А еду я… на море .

– На море? – Влад приподнял бровь. – И откуда же такой морской волк?

– Из Читы! – гордо заявил Дима. Цыганские глаза его блестели весело и нахально. – Я уже не первый раз! В прошлом году так до самого Черного моря добрался! Правда, потом... – он небрежно махнул рукой, – поймали, домой вернули. Ну, а я – опять смылся! Дома скучно.

Влад только хотел что-то сказать, как состав дернулся, загрохотал, набирая ход. Думать было некогда. В два прыжка Влад оказался рядом с Димкой на площадке. Теперь их было двое.

Радость от пополнения, впрочем, слегка померкла, когда выяснилось, что Димкин рюкзак – это царство пустоты. "Мышь повесилась бы от тоски", – подумал Влад, разглядывая жалкие остатки сухарей и пустую пластиковую бутылку. Его собственные запасы были невелики – пара банок тушенки, хлеб, сало... Пришлось делиться. Димка уплетал предложенное, с аппетитом юного волчонка, благодарно сверкая глазами.

– Зато теперь веселее! – заявил он, сглатывая кусок хлеба. – Одному страшновато бывает, особенно ночью. А с тобой – как с танком!

Дорога действительно перестала казаться такой уж долгой и зловещей. Дима оказался говорливым попутчиком, сыпал байками о прошлогоднем побеге, о станционных кошках, о том, как ловко он уворачивался от обходчиков. Влад слушал, изредка вставляя реплику, и чувствовал, как тревога о новосибирской развилке немного отступает. Проблема разных конечных пунктов – его Ташкента и Диминого Черноморья – пока висела где-то на горизонте, как далекая туча. Сейчас они были просто два бродяги под стук колес, летящие сквозь бескрайние просторы, где за поворотом маячили то золотые степи, то темные стены тайги, а маленькие станции мелькали, как бусинки на нитке железной дороги. .

Глава 12

Осень уже вовсю заявляла о себе. По утрам на вокзальных перронах лежал хрустящий иней, а к вечеру ветер пробирался под куртки, заставляя ёжиться даже самых стойких. Влад и Димка привыкли к этому — ночевали то в залах ожидания, то на тормозных площадках товарняков, а утром, закупив хлеба, тушёнки и пару банок сгущёнки, снова отправлялись в путь.

— Сегодня, говорят, состав на Москву пойдёт, — бросил Димка, разминая замёрзшие пальцы. — Может, попробуем?

Влад молча кивнул. Они уже три дня петляли по Сибири, то застревая на глухих станциях, то проскакивая двести, а то и триста километров за ночь. Москва была не целью, но направление верное через Новосибирск, а оттуда легче было уйти на юг, в Ташкент.

Состав оказался длинным, ржаво-серым, с платформами, заваленными трубами и ящиками. Пока они шли вдоль вагонов, выбирая, куда бы пристроиться, Димка вдруг дернул Влада за рукав:

— Смотри!

На одной из платформ стояла «летучка» — крытый фургон с высокой трубой, из которой валил дым. Дверь была приоткрыта, и внутри виднелся тусклый свет.

— Там люди, — прошептал Димка. — Может, пустят?

Подойдя ближе, они услышали смех. Внутри сидел парень лет двадцати пяти, в потрёпанной спецовке, и две девушки — одна худая, с короткими тёмными волосами, другая —

полноватая, с веснушками. На столе стоял чайник, пахло хлебом и чем-то домашним, неуловимо тёплым.

— Эй, путники, — хрипловато позвал парень, заметив их в дверях. — Чего стоите? Заходите, если не боитесь.

— Не боимся, — ответил Влад, переступая порог.

Разговорились. Парня звали Сергей, он сопровождал машину какой-то геологической конторы. Девушек подобрал по дороге — Лиду и Катю. Ехали в Москву.

— А вас куда несёт? — спросила Катя, разливая чай по жестяным кружкам.

— Пока в Ташкент, — ответил Димка. — Там, говорят, сейчас хлебные места.

— Хлебные, — фыркнул Сергей. — Везде сейчас одно дерьмо.

Влад помолчал, потом осторожно спросил:

— А нас… можно с вами? Места хватит.

Сергей усмехнулся, потягивая чай.

— Билет — бутылка водки.

Димка засмеялся, но Влад сразу встал.

— Держишь слово?

— Ага.

Состав стоял долго — видимо, ждали какого-то груза. Влад и Димка выскочили на перрон и побежали искать магазин. Название станции — Боготол — Влад запомнил сразу. Оно звучало как-то зловеще, но думать было некогда.

Магазин нашли быстро. Бутылка «Столичной» съела почти все их деньги, но выбора не было.

— Бежим обратно, — торопил Димка, суя бутылку в рюкзак.

И тут их окликнули:

— Стоять! Документы!

Они обернулись. Два милиционера в синих шинелях.

— Бежать? — прошептал Димка.

— Бесполезно, — скрипнул зубами Влад.

В отделении всё было по казённому: жёсткие стулья, запах махорки и чернил. Старший, лысоватый, с жёлтыми от табака пальцами, рылся в их рюкзаках.

— Ага, — пробурчал он, вытаскивая бутылку. — Это что?

— Греться, — буркнул Влад.

Милиционер хмыкнул, поставил водку на стол и потянулся к документам. У Димки их не оказалось.

— Без паспорта? — ухмыльнулся второй, помоложе. — Ну всё, дружок, тебе прямая дорога в каталажку.

— А тебе, — старший ткнул пальцем в Влада, — подпиши вот это.

Протокол. Первое предупреждение за проезд в товарняках. Три таких — и суд за бродяжничество.

— Подписывай, — приказал милиционер.

Влад подписал.

Димку увели. Влад остался один на холодном перроне. Товарняк с «летучкой» уже ушёл.

Он достал потрёпанный железнодорожный справочник, нашёл ближайший пассажирский поезд — до Семипалатинска. Оттуда уже рукой подать до Ташкента.

В кассе отдал последние деньги.

— В один конец? — спросила кассирша.

— Да, — ответил Влад и подумал – хоть отосплюсь.

Поезд оказался старым, но тёплым. Влад забрался на верхнюю полку, свернулся калачиком и закрыл глаза.

За окном мелькали огни станций, тёмные поля, редкие перелески. Где-то там остался Боготол, милиционеры, Димка…

Но это уже не важно.

Важно было то, что впереди — дорога.

И она ждала.

Глава 13

Влад открыл глаза. Поезд мерно покачивался, словно гигантская колыбель, а колеса выстукивали на стыках рельсов свою монотонную, но убаюкивающую дробь. "Как же под эту музыку хорошо спится лучше, чем в мертвой тишине!" — подумал он, с наслаждением потягиваясь. "Наконец-то выспался. А ведь много ли человеку надо для счастья? Подушка, одеяло, ритм дороги и сознание, что тебя никто не торопит…" Внизу, на нижних полках плацкартного вагона, расположилась семья военного капитана — сам капитан, его статная жена и двое неугомонных сорванцов лет пяти-шести. Погодки, судя по всему. То они вскарабкивались на столик между деревянными диванами, утыкаясь носами в стекло, то с визгом уносились в соседнее купе, где, видимо, тоже нашлась своя детская компания. Влад перевернулся на живот и лениво уставился в окно. За стеклом мелькали однообразные пейзажи — поля, перелески, редкие деревеньки. Ничего интересного. И мысли сами собой потянулись в сторону воспоминаний…

Когда-то давно, в таком же вагоне, он ехал с родителями и старшим братом Сашкой в отпуск — сначала до Читы, а потом в Улан-Удэ, к родне. В Чите они уже купили билеты на следующий поезд, оставалось ждать совсем немного, когда вдруг… мама исчезла.

— Где же она?! — отец, тоже капитан (как и этот, внизу), нервно оглядывался по сторонам. — Сидите тут, никуда не отходите! — И, оставив их с Сашкой караулить чемоданы, бросился на поиски.

Братья сидели, сжимая ручки чемоданов, и в унисон считали секунды.

— Влад, — прошептал Сашка, — а если поезд уйдет без нас?

— Не уйдет, — бодро ответил Влад, хотя сам уже представлял, как они останутся одни, среди чужих людей, в этом огромном вокзале…

"Как же страшно было!" — даже сейчас, спустя столько лет, он помнил тот леденящий ужас одиночества, безнадежности и беды, внезапно подкравшейся к ним (а ведь как хорошо все начиналось) К счастью, все обошлось: отец нашел маму (оказалось, она просто отошла купить воды), и они успели на поезд. Но осадок остался.

Другое яркое воспоминание — переезд в новый военный городок в Читинской области. Их семье достались две комнаты в коммуналке, а кухня, коридор и темная кладовка без окон были общими.

— Влад, идем на горшок! — позвала мама в первый же день.

— Не хочу! — заупрямился он.

— Не капризничай!

Его повели в кладовку, и там… он увидел *её*. Девочку. Лет пяти. Коротко стриженую, с большими голубыми глазами. Она сидела на своем горшке и с любопытством разглядывала нового соседа.

— Садись, — велела мама, ставя рядом второй горшок.

Так они познакомились. Девочку звали Люда Кутепова.

На следующий день они уже вовсю носились по коридору, а через неделю Люда тайком привела Влада в свою комнату.

— Тссс… родителей нет! — шепнула она.

Влад огляделся. На тумбочке у кровати лежали маленькие женские часики — блестящие, с тонким ремешком. Они *гипнотизировали*.

— Красивые… — прошептал он.

— Мамины, — гордо сообщила Люда.

В этот момент с кухни донеслись шаги, и девочка выскочила проверить, не вернулись ли родители. А Влад… Влад не удержался. Быстрым движением он схватил часики, оттянул резинку своих шаровар и засунул добычу внутрь. Широкие штанины надежно скрывали "трофей".

Вечером за ужином он, как обычно, начал клевать носом.

— Опять засыпаешь в тарелке! — вздохнула мама и понесла его спать.

И тут…

— ВЛАД! — раздался ее возмущенный крик. — ОТКУДА ЭТО?!

Он едва приоткрыл один глаз и увидел в ее руках злополучные часики.

— М-м-м… — пробормотал он и мгновенно провалился обратно в сон.

Как родители разбирались с Кутеповыми, он так и не узнал. Но Люда на него после этого не обиделась — на следующий день они снова играли в коридоре.

Поезд мягко качнулся на стрелке, и Влад улыбнулся.

"Вот ведь какие глупости помнятся…"

А внизу капитан строго прикрикнул на своих сорванцов:

— Хватит бегать! Успокойтесь!

— Пап, а мы не шумим! Мы просто… быстро ходим! — оправдался один из мальчишек.

Влад рассмеялся и закрыл глаза. Впереди была еще долгая дорога — а значит, время для новых воспоминаний.

Глава 14

Поезд мерно покачивался на стыках рельсов, убаюкивая пассажиров мягким ритмом дороги. В вагоне было тепло, почти по-домашнему уютно, особенно на верхней полке, куда Влад забрался сразу после отправления. Здесь, в своем маленьком убежище, он мог растянуться во весь рост, уткнуться лицом в подушку или лежать на спине, разглядывая потолок, по которому скользили блики от фонарей за окном. А если перевернуться на живот, открывался вид на бесконечную вереницу телеграфных столбов, крошечные домики, мелькающие переезды и одинокие шлагбаумы, словно выхваченные лучом прожектора из ночной тьмы.

Внизу, на нижних полках, текла своя жизнь. Жена капитана — стройная шатенка с мягкими чертами лица — разложила на столике белую скатерть, аккуратно нарезала хлеб, колбасу, сыр, выложила вареные яйца и соленые огурцы. Аромат еды разносился по купе, напоминая Владу о доме.

— Влад, возьмите бутерброд, — женщина протянула ему ломоть хлеба с толстым слоем масла и куском сыра.

— Спасибо, — он взял угощение, и их пальцы на мгновение соприкоснулись.

Жена капитана улыбнулась — тепло, по-матерински. И в этот миг Влад почувствовал, как что-то ёкнуло у него внутри. В её улыбке, в плавных движениях было что-то неуловимо знакомое.

«Мама…»

Мысль пронеслась стремительно, и перед глазами всплыли картины из детства.

— Саша, Влад, идите есть! — голос Галины Александровны разносился по всей квартире.

Братья, шумные и вечно голодные, мчались на кухню, где на столе уже дымился борщ — густой, с куском мяса и ложкой сметаны. А рядом — тарелка с горячими лепешками и банка малинового варенья, которое мама варила каждое лето.

— Мам, расскажи, как ты в снайперы записалась! — просил Влад, заглатывая ложку за ложкой.

Галина Александровна вздыхала, откладывая хлеб.

— Ну что тебе рассказывать… Время было такое. Все рвались на фронт. И мы с подругами тоже.

— А тебя не взяли?

— Повезло. Училась в педучилище — нас оставили. А вот Лида, Настя, Таня… — голос её дрогнул. — Они не вернулись.

— А если бы взяли? — не унимался Влад.

Мама покачала головой.

— Убили бы меня быстро. Стреляла я хорошо, а вот маскироваться… — она усмехнулась. — Не терпела я сидеть в засаде. Всегда рвалась вперёд.

Влад не мог представить свою мать — эту хрупкую, невысокую женщину — с винтовкой в руках, ползущей по грязи под обстрелом.

— А как ты жила раньше? Без родителей?

Галина Александровна задумывалась, её глаза становились далёкими.

— Братья меня подняли. Гена — старший — заменил отца. А Тоня… — она улыбнулась. — Мы с ней одну юбку на двоих носили.

— Вам ещё бутерброд? — голос жены капитана вернул Влада в реальность.

— Нет, спасибо, — он оторвал взгляд от окна. — Вы… очень напоминаете мне маму.

Женщина удивилась, затем рассмеялась — звонко, беззаботно.

— Ну, надеюсь, не внешне? Мне всего тридцать!

— Нет, — Влад смутился. — Просто… так же заботитесь.

— Ах, вот оно что, — её глаза смягчились. — Вы давно из дома?

— Месяц.

— И родители не знают, где вы?

Влад потупил взгляд.

— Нет.

— А они волнуются, наверное…

Он стиснул зубы.

— Это временно. Я добьюсь своего — тогда и вернусь.

Женщина покачала головой, но ничего не сказала.

Галина Александровна закончила педучилище и стала учительницей. Иногда «учительский режим» включался дома:

— Влад, сколько раз повторять — тетради надо подписывать! — её голос становился твёрдым, как на уроке.

— Мам, я же не в школе! — огрызался он.

Но это бывало редко. Чаще она смеялась, рассказывала истории из детства, пела старые песни, когда мыла посуду.

А ещё она всегда говорила:

— Главное — не бойтесь мечтать. И, если что то делаете, то всегда помните: за вами стоят близкие вам люди, которые несут вместе с вами за это ответственность. Ваша радость - это их радость. Ваше горе – это их горе.

Поезд замедлил ход, подъезжая к станции. Жена капитана собрала остатки ужина.

— Вы выходите? — спросила она.

— Нет, мне ещё ехать.

— Тогда удачи вам. И… позвоните родителям. Хотя бы раз.

Влад кивнул, но знал — не позвонит. Не сейчас.

«Я всё сделаю правильно. И они будут мной гордиться» — он повторял это как мантру, глядя в тёмное окно, за которым мелькали одинокие огни полустанков.

Но где-то глубоко внутри уже шевелилось сомнение: «А что, если я ошибаюсь?»

Глава 15

Поезд подошёл к Семипалатинску во второй половине дня, когда солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая степь в золотистые тона. Влад вышел из вагона, и первое, что он почувствовал, — тёплый, почти южный воздух, густой и наполненный ароматами сухой травы и нагретого за день асфальта.

«Ну вот, уже и югом запахло», — подумал он с удовлетворением. «Значит, в правильном направлении, идете товарищи!»

Город встретил его шумом вокзала, криками носильщиков, гудками маневровых тепловозов. Здание вокзала, массивное, с колоннами и высокими окнами, выглядело солидно, будто напоминало всем проезжающим, что Семипалатинск — не какая-нибудь захолустная станция, а настоящий город, где кипит жизнь.

В зале ожидания толпились пассажиры: семьи с детьми, солдаты в походных рюкзаках, пожилые люди с узлами. Кто-то дремал на деревянных скамьях, кто-то торопливо жевал принесённую с собой еду. Влад окинул взглядом это людское море и улыбнулся — транзитные пассажиры всегда были хорошим прикрытием.

Согласно железнодорожному справочнику, до следующей крупной станции было далеко, и Влад решил задержаться здесь на ночь. Он привычно подошёл к расписанию, пробежался глазами по маршрутам, отметив несколько поездов, которые могли пригодиться в разговоре с милицией.

Выбравшись из вокзала, он окунулся в городскую суету. Семипалатинск раскинулся вдоль Иртыша, широкого и неторопливого. Дома здесь были невысокие, в основном старые, с облупившейся штукатуркой, но кое-где уже виднелись новейшие постройки — бетонные коробки с зеркальными стёклами. Владу этот город показался уютным, он был не таким уж большим, но оживлённым: широкие улицы, обшарпанные двухэтажные дома с вывесками советских времён, редкие машины на дорогах. На базаре торговцы выкрикивали цены, предлагая фрукты, хлеб, вяленую рыбу. Влад купил лепёшку, пару яблок и кусок копчёного сала — дешево и сытно.

Он бродил по городу до вечера, разминая затекшие за долгую дорогу ноги. Солнце садилось, окрашивая небо в багрянец, и Влад, довольный прогулкой, вернулся на вокзал.

Поздним вечером вокзал опустел. Лишь несколько бродяг, свернувшись калачиком, спали на диванах или прямо на полу. Влад нашёл укромный уголок, расстелил куртку, подложил под голову рюкзак и уже собирался заснуть, как вдруг к нему резко подошли два милиционера.

— Документы! — буркнул старший, широкоплечий, в потёртым мундире.

Влад молча протянул паспорт.

— А чего это ты тут спишь? — прищурился второй, помоложе.

— Поезд жду.

— Какой поезд?

— На Ташкент.

— Ага, — старший перелистал паспорт, — значит, без билета?

Влад промолчал.

— Иди с нами.

В отделении разговор продолжился.

— Так куда едешь? — устало спросил капитан, разглядывая его с головы до ног.

— В Ташкент, — Влад выдал заготовленную легенду. — Там после землетрясения людей не хватает, стройки, работа…

— Бродяжничество, — капитан отложил паспорт. — Это у тебя уже какое предупреждение?

- Первое, - соврал Влад, а про себя подумал – «Не могут же Боготольские милиционеры разослать мои данные по всем станциям и городам. Не такая уж я важная птица.»

Вслух сказал:

— Я же не мешаю никому…

— На вокзале больше не появляйся, — капитан махнул рукой. — Иначе статью оформим.

Злой, как черт, Влад вышел на перрон. Вокзал был для него теперь закрыт. Он огляделся — на соседнем пути стоял товарняк, готовый к отправке. Без раздумий Влад запрыгнул на тормозную площадку.

Ночь в пути выдалась холодной. Ветер пробирал до костей, спать было невозможно. Лишь под утро, на каком-то полустанке, он спрыгнул на землю и быстрым шагом пошёл прочь от железной дороги, пытаясь согреться.

Степь встретила его бескрайним простором. Трава, пожелтевшая от жары, шуршала под ногами. Солнце поднималось над горизонтом, разливая по земле тёплый свет. Влад шёл, пока не наткнулся на ручей — узенький, извилистый, с чистой, почти ледяной водой.

«Неплохое место», — подумал он, сбрасывая рюкзак.

Влад расстелил куртку на траве и рухнул на неё, мгновенно проваливаясь в сон.

Проснулся он через пять часов — для его молодого организма этого хватило. Солнце стояло высоко, степь дышала теплом. Влад умылся ледяной водой, встряхнулся и бодро зашагал обратно к полустанку.

Впереди была дорога. Долгая, трудная, но ведущая на юг.

А значит — в правильном направлении.

Глава 16

Станция Жарма была крошечной точкой на карте, затерянной среди бескрайних степей. Влад вышел на перрон, огляделся: вокруг — ни души, только редкие огни вдали да густой запах полыни, смешанный с железнодорожной гарью. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в багровые тона.

Зал ожидания оказался небольшим, с потрескавшимися стенами и низким потолком. Внутри стояли два деревянных дивана, потертых временем, и печка-буржуйка, от которой веяло слабым теплом. На одном из диванов растянулся парень лет двадцати пяти — высокий, жилистый, с густыми светлыми волосами и загорелым лицом, изборожденным мелкими морщинками. На нем была поношенная рабочая роба, а из-под расстегнутого ворота виднелась татуировка — силуэт волка.

Парень лениво поднял взгляд, оценивающе окинул Влада и усмехнулся:

— Что, тоже решил перекантоваться на этих нарах?

Голос у него был хрипловатый, но добродушный.

Влад устало опустился на противоположный диван, скинул рюкзак.

— Да, вот не рассчитал немного. Как говорится, ночь в дороге застала.

— Ну, ночь ждать не будет, — парень потянулся, зевнул. — А здесь, по крайней мере, тепло. На улице ветер — хоть ножи точи.

— Ты тут часто ночуешь? — поинтересовался Влад.

— Бывает. Я тут местный, можно сказать.

— Местный? А где работаешь?

— В ПМС, в Копан-Булаке. Путейцы.

— И как, тяжело?

— Да кто его знает… — парень пожал плечами. — Работа как работа. Зато платят нормально.

Влад задумался. Деньги у него заканчивались, а до Ташкента — еще далеко.

— А жилье там есть? — спросил он, стараясь не показывать особую заинтересованность.

Парень рассмеялся:

— Жилья — море! Вагоны, купе, вагон-баня, вагон-клуб… Это же не просто станция, а целый город на колесах.

— Серьёзно?

— Ага. Я, кстати, Вася.

— Влад.

Они пожали друг другу руки.

Утром они сели на пригородный поезд и через пару часов вышли на станции Копан-Булак. Отсюда до ПМС-253 было рукой подать.

Перед ними раскинулся необычный поселок: прямо на земле лежали железнодорожные ветки, а на них — десятки вагонов, сцепленных в причудливые составы. Были тут и старые пассажирские вагоны с выцветшей краской, и грузовые платформы, заставленные техникой, и даже несколько утепленных вагончиков с печными трубами. Между ними сновали люди в спецовках, гремели инструменты, дымила полевая кухня.

— Ну что, нравится? — спросил Вася.

— Как после апокалипсиса. — усмехнулся Влад.

— Зато своя атмосфера.

Вася повел его к "конторе" — переоборудованному служебному вагону с табличкой "Управление ПМС". Внутри за столом сидел крепкий мужчина лет пятидесяти с седыми висками и пронзительным взглядом.

— Новичок? — спросил он, не поднимая головы от бумаг.

— Да, хочу устроиться, — ответил Влад.

— Опыт есть?

— Разный. И на стройке работал, и с техникой знаком.

Мужчина — представился как «Петрович» — кивнул:

— Ладно, возьмем. Работа несложная: разгрузка, ремонт путей, помощь машинистам. Зарплата — раз в две недели. Жилье предоставим.

Оформление заняло не больше получаса. Влад получил робу, постельное белье и был передан на попечение Васи.

Их "дом" оказался старым купейным вагоном, переделанным под жилье. Внутри было тесно, но уютно: две койки, печка-буржуйка, стол у окна. На стене висели фотографии, гвоздик с висящим полотенцем, а на подоконнике стояла жестяная кружка с чаем.

Вася достал из тумбочки колбасу, хлеб, сало, открыл банку тушенки. Влад, в свою очередь, вытащил бутылку водки — ту самую, купленную еще в Боготоле.

— Ну, за новую жизнь! — чокнулись они.

Выпили, закусили. Вскоре разговорились.

— А ты откуда сам? — спросил Влад.

— Из Сибири. Охотился раньше, потом… загремел на пару лет. — Вася махнул рукой. — Было дело. А теперь вот тут осел.

— И как, не тянет обратно?

— Куда? В тайгу? — Вася усмехнулся. — Бывало, конечно, снится. Но здесь тоже неплохо. Люди свои, работа есть.

Они сидели до глубокой ночи, потягивая чай и вспоминая прошлое. За окном гудел ветер, а в купе было по домашнему уютно итепло.

Глава 17

Утро началось с резкого звонка будильника. Влад вскочил, протирая глаза. За окном едва светало, но он уже знал: сегодня его первый настоящий рабочий день. Вчера его оформили в бригаду путейцев, и теперь он — часть большой железнодорожной системы.

На платформе его встретили трое: двое крепких мужчин лет сорока и один сухопарый, невысокий, с морщинистым лицом и колючим взглядом. Это был Иннокентий Иванович, или, как его называли все, дед Кеша. Лет ему было около пятидесяти, но в глазах Влада он выглядел древним, будто вылез из какой-то старой советской хроники.

— Ну что, академик, готов трудиться? — хрипло спросил Кеша, прикуривая самокрутку.

Влад кивнул, стараясь не показать неуверенности.

— Готов.

— Вижу, как готов, книжный червь… — фыркнул бригадир и махнул рукой. — Ладно, пойдем, покажу, где инструмент держать.

Бригада состояла из четырех человек: сам Кеша, двое опытных рабочих — Сергей и Николай, и Влад, который пока был на подхвате. Инструментов было немного: два тяжелых молотка для забивки костылей, два лома и стяжное устройство.

— Сегодня работаем на третьем километре, — объяснил Кеша, шагая по насыпи. — Там шпалы кое-где просели, надо подбить.

Сергей, коренастый мужик с густой щетиной, покосился на Влада:

— Ты хоть молоток в руках держать умеешь?

— Держать-то умею…

— Ну, посмотрим, — усмехнулся Николай, высокий и жилистый, с вечной ухмылкой.

Работа началась. Кеша показывал, как правильно выравнивать шпалы, как забивать костыли. Влад старался не отставать, но руки дрожали от непривычной нагрузки.

— Эй, студент, не так! — рявкнул Кеша, видя, как тот машет молотком. — Ты ж не дрова колотишь! Бей точно, одним движением.

Сергей и Николай переглянулись.

— Да ладно, Кеша, парень же первый день, — сказал Сергей.

— А мне плевать, первый или сотый! — огрызнулся бригадир. — Раз взялся, то работай как надо.

Через пару часов понадобились новые костыли.

— Влад, сбегай на станцию, возьми ящик, — приказал Кеша.

— Бегом?

— Нет, на четвереньках! Конечно, бегом!

Влад вздохнул и зашагал по путям. Три километра туда, три обратно — почти два часа ходьбы.

Но странное дело: чем дальше он уходил от бригады, тем легче становилось на душе. День разгорался, солнце поднималось выше, нагревая рельсы. Воздух был чистым, пахло травой и смолой. Легкий ветерок шевелил листву деревьев, стоявших вдоль насыпи.

"Как же здесь хорошо…" — подумал Влад.

Он шел по шпалам, слушая ритмичный стук своих шагов. Вдали кричали птицы, где-то стрекотал кузнечик. Никакой суеты, никакого деда Кеши с его придирками — только он и бескрайние железнодорожные пути.

"Надо сегодня родителям написать, что все отлично," — решил он. А чтобы объяснить, почему задержался, придумал историю:

"По пути нас, молодых комсомольцев, встретил начальник путевой машинной станции товарищ Данилов. Чуть ли не на коленях умолял остаться, помочь. Обещал не только возместить расходы, но и хорошо заплатить!"

Он улыбнулся. Пусть родители думают, что у него все складывается как нельзя лучше.

На станции кладовщик лениво выдал ему ящик костылей.

— Ты с бригады Кеши? — спросил он, зевая.

— Да.

— Ну, держись… — усмехнулся дежурный. — Он у нас строгий.

Влад лишь пожал плечами. Да, Кеша был неприятным типом, но разве это главное? Главное — что он здесь, на воле, под открытым небом, а не в душном цеху или конторе.

Обратный путь казался короче. Он нес ящик, насвистывая себе под нос.

"А ведь это и правда, что для счастья не так уж и много надо" — подумал он.

И пусть работа тяжелая, пусть бригадир ворчит, но зато вокруг такая красота, такое спокойствие…

Он еще не знал, что скоро получит новый разнос от Кеши за медлительность. Но пока это не имело значения.

Пока что он был счастлив.

Глава 18

На завтра Влада отправили на погрузку шпал.

Раннее утро встретило его холодным ветром, гуляющим по бескрайним железнодорожным путям. Небо, затянутое серой пеленой, нависало низко, словно готовое вот-вот пролиться дождём. Вокруг тянулись бесконечные рельсы, уходящие в туманную даль, а под ногами хрустел щебень, перемешанный с угольной пылью.

Шпалы, которые предстояло грузить, были старые, деревянные, пропитанные едкой чёрной жидкостью. Они лежали грудами, тяжёлые, словно отлитые из чугуна, и от них исходил резкий запах креозота.

«Да-а, это тебе не костыли таскать», — каждый раз думал Влад, с усилием поднимая один конец шпалы и волоча её к кузову машины.

Молодые парни, стоявшие в кузове, ловко подхватывали шпалу специальными щипцами и укладывали в штабеля. Их загорелые лица блестели от пота, а руки, привыкшие к тяжёлой работе, действовали быстро и слаженно.

— Давай, давай, не задерживай! — покрикивал один из них, высокий, с хищным профилем и узкими глазами.

Влад молча кивал и возвращался за следующей.

Когда кузов заполнялся, машина уезжала на «точку», и тогда наступали редкие минуты отдыха. Влад садился на насыпь, доставал смятую пачку «Беломора» и, закуривая, смотрел вдаль, где за туманом угадывались очертания леса.

Так прошло несколько часов. К вечеру руки и спина ныли, будто после изнурительной тренировки. Но Влад не жаловался — он привык к труду.

Неделя на погрузке пролетела незаметно. За это время Влад успел познакомиться почти со всеми обитателями «городка на колёсах» — временного посёлка, где жили рабочие.

Публика здесь собралась разношерстная. Были парни из Татарии, коренастые и скуластые, говорившие на своём языке и смеявшиеся над шутками, которых Влад не понимал. Были башкиры — спокойные и немногословные, с темными, как смоль, волосами и проницательными глазами. Украинцы, с их мягким говором и любовью к салу, которое они доставали из заветных свертков. И даже двое китайцев — низкорослые, юркие, вечно что-то жующие и переговаривающиеся на своём странном, певучем языке.

Но ближе всех Владу стал Борис — или просто Борька.

Они жили в одном вагоне, только в разных купе. Борька был невысоким, худощавым, с вьющимися чёрными волосами и такими же тёмными, блестящими глазами. Он вечно находился в движении — то подпрыгивал, то ёрзал, то болтал ногой, сидя на краю кровати.

— Ты как воробей, — как-то сказал ему Влад.

— Ага, только никто не подкармливает, — засмеялся Борька.

Они быстро нашли общий язык. Влад рассказывал про Ташкент, про тёплые зимы и фрукты, которые там «сами с деревьев падают». Борька слушал, заворожённый, а потом вдруг сказал:

— А давай и я с тобой поеду?

— Давай, — согласился Влад.

Мысль о том, что скоро он сможет уехать отсюда, грела его.

В пятницу вечером Влад вернулся с работы усталый, но довольный — завтра выходной. Однако, едва переступив порог купе, он сразу почувствовал неладное.

Чего-то не хватало

Он огляделся. Не было вещей Василия.

— Что за чёрт? — прошептал Влад.

Первой мыслью было: «Уехал. И даже не предупредил». Но следом, как удар под дых, пришла другая: «Почему? Почему без намёка, без слова?»

Сердце заколотилось. Влад рванулся к своему рюкзаку, судорожно обыскал его, залез в самый дальний карман…

Денег не было.

Последние жалкие рубли, которые он так тщательно прятал, исчезли.

— Сука… — вырвалось у него.

Он резко поднял голову и окинул взглядом купе. Куртки тоже не было.

Той самой кожаной куртки, которую он не стал продавать в Иркутске, зная, что она ещё пригодится. Теперь ни денег, ни вещей.

Дверь купе со скрипом открылась. На пороге стояли Юрка, Николай и Борька.

Юрка — высокий, широкоплечий, с грубым лицом и холодными серыми глазами — хмуро спросил:

— Где Васька?

Тон его не сулил ничего хорошего.

— Не знаю, — растерянно ответил Влад.

— Он нас обокрал, — зло бросил Николай, коренастый парень с квадратной челюстью и коротко стриженными волосами.

— И меня тоже, — Влад почувствовал, как внутри закипает злость. «Если сейчас полезут драться — с двумя справлюсь. Борька не полезет».

Юрка, однако, не набросился. Он лишь тяжело вздохнул и спросил уже спокойнее:

— А у тебя что взял?

— Деньги и куртку. Может, ещё что-то…

— У меня свитер и сумку стащил, — проворчал Юрка.

— А у меня две банки тушёнки, — неожиданно рассмеялся Борька.

Напряжение слегка спало, но легче от этого не стало.

— Догнать и навалять, — Николай сжал кулаки, и его лицо исказилось от злости.

— Столько поездов уже ушло. Где его искать? — глухо произнёс Юрка и, развернувшись, вышел.

Николай, бросивший на Влада недовольный взгляд, последовал за ним.

Борька задержался.

— Чёрт… — прошептал Влад, опускаясь на койку.

— Бывает, — пожал плечами Борька. «Зато теперь у нас есть повод свалить отсюда поскорее».

Влад посмотрел на него и вдруг ухмыльнулся.

— На какие шиши? Ты много накопил на черный день?

Борька предпочел отмолчаться.

Глава 19

Наступили дни жесточайшей экономии. До зарплаты оставалось еще долго, а в кармане — лишь жалкие гроши, которых хватило бы от силы на два-три дня. Но как растянуть эти копейки на неделю, а то и больше? Вспомнилась иркутская история с картошкой, которую можно было набрать в поле, но здесь, в казахской степи, такой вариант не проходил. Не то время, не то место.

Пришлось переходить на двухразовое питание, а то и вовсе на одно. Вчера, когда их бригаду отправили на ремонт участка пути в десяти километрах от станции, Влад особенно остро ощутил свой голод. Во время обеденного перерыва рабочие достали из сумок свертки с едой, и от этого зрелища у него свело желудок. Чтобы не видеть этого «безобразия», он отошел в сторону и заметил вдалеке, метрах в пятистах от железной дороги, одинокую юрту.

«Хоть что-то отвлечет», — подумал он и направился туда, надеясь развеяться и заодно посмотреть, как живут местные.

Степь вокруг была бескрайней, выжженной солнцем. Сухой ветер гнал по небу редкие облака, а под ногами хрустела жесткая трава. Юрта оказалась большой, с войлочными стенами, потемневшими от времени. Рядом стоял грубо сколоченный деревянный стол, за которым молодая женщина в темном халате что-то резала. Около юрты валялись разбросанные вещи, а двое маленьких мальчишек возились с лохматой собакой.

Пес гавкнул пару раз, но, почуяв, что чужак не опасен, тут же завилял хвостом. Все остановились и уставились на Влада.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал он. — Можно у вас… купить что-нибудь, поесть?

Женщина посмотрела на него с любопытством, но не ответила.

«Не понимает», — догадался Влад.

Он достал из кармана полтинник и жестами показал, что хотел бы молока и хлеба. Женщина вдруг улыбнулась, кивнула и жестом пригласила его за стол.

Через минуту перед ним стояла тарелка с холодной бараниной, лежала круглая буханка ржаного хлеба, кусок мягкого сыра, а в глиняной кружке плескалось парное молоко.

— Спасибо, — пробормотал Влад, но женщина лишь махнула рукой, будто говоря: *«Ешь, не стесняйся»*, и скрылась в юрте.

Он ел медленно, смакуя каждый кусок, чувствуя, как тепло разливается по всему телу. Это был настоящий пир после нескольких дней полуголодного существования.

Когда он закончил, то заглянул в юрту, чтобы поблагодарить хозяйку. Та сидела на полу, что-то шила, и, увидев его, снова заулыбалась.

— Спасибо вам, — сказал Влад, кланяясь.

Она что-то ответила по-казахски, но по тону было ясно — она рада помочь.

Дети провожали его взглядами, а собака лениво помахала хвостом.

Вечером на станции было необычно оживлённо. Возле вагона-клуба собралась молодежь, играла музыка, и деревянный настил перед входом был полон танцующих. Из громкоговорителей лились песни Мулермана, Ободзинского, Магомаева.

Влад, обычно избегавший таких мероприятий, сегодня вдруг почувствовал, что хочет отвлечься. Он стоял в стороне, наблюдая, как пары кружатся под «Лунный свет» Хиля, когда заметил знакомое лицо.

«Клава?» — удивился он.

Это была буфетчица из их столовой — красивая, стройная, с длинными пышными волосами. Она смеялась, что-то рассказывая подруге, и в ее глазах искрились огоньки от фонарей.

Влад сделал шаг вперед.

— Танцуем? — спросил он, протягивая руку.

Клава удивленно подняла брови, но после секундного колебания кивнула.

— Танцуем.

Они закружились под медленную мелодию. Влад чувствовал легкий аромат ее духов — что-то цветочное, ненавязчивое.

— Я тебя раньше на танцах не видела, — сказала Клава.

— Да я и сам впервые, — признался он.

— А что сподвигло?

— Голод, — неожиданно вырвалось у него.

Клава рассмеялась.

— Ну и причина!

— Да нет, я серьезно, — Влад вдруг решил рассказать ей про свое финансовое положение, про юрту, про женщину, которая накормила его досыта.

Клава слушала внимательно, потом вдруг сказала:

— А у меня как раз котлеты на ужин. Надо только разогреть. Пойдем.

Так он оказался у нее в вагончике.

Утро встретило его запахом жареной картошки и чая. Клава стояла у плиты, напевая что-то под нос.

— Вставай, завтрак готов! — крикнула она.

Влад потянулся, чувствуя странную легкость. «Как же хорошо, когда ты кому - то нужен », — подумал он.

А через неделю он получил зарплату. Дни экономии закончились. Начиналось что-то другое.

Глава 20

Дни летели незаметно. Днем еще было по-летнему тепло, а вот по ночам стало подмораживать. В вагоне, где жил Влад, ребята установили дежурство, заключавшееся в одном: поддерживать огонь в паровом котле, нагревающем воду, которая приносила тепло во все купе. Угля в тамбуре хватало, и эта обязанность не вызывала особых хлопот. Утром вставал, закидывал несколько больших кусков каменного угля в топку и спокойно шел на работу. Вечером снова добавлял топлива и ложился спать. Впрочем, Влад не всегда спал в своем купе — чаще уходил к Клавочке, укрываясь под её горячим боком.

Однажды, в уютном полумраке, они провели интересный разговор, который изменил их отношения. Клава, немного задумчиво наклонив голову, вдруг сказала:

— Знаешь, раньше у меня здесь был парень. Его забрали в армию в этом году... Он просил меня его дождаться.

Влад удивлённо посмотрел на неё:

— Ии…?

— А я не декабристка, таких обещаний не даю, — произнесла она с легкой усмешкой, но в глазах её появилась тень грусти.

Влад почувствовал, как в его груди сердце забилось быстрее. Он не знал, как отреагировать.

— А ведь тебя тоже могут скоро забрать в армию? — спросила она, прищурившись, и улыбка медленно сошла с её лица.

— Ну, в отношении меня можешь быть спокойна, — ответил Влад, стараясь быть уверенным. — У меня военный билет на руках.

Ему стало неприятно продолжать разговор. Клава вдруг стала слишком серьезной, и Влад почувствовал, что с ней не так всё просто.

— А почему так? Блатной что ли, или папочка большой начальник? — её глаза сверкнули любопытством и недоверием.

— На самом деле, год назад признали меня не годным к службе в мирное время и годным только к нестроевой в военное.

— Больной значит? По тебе не скажешь, — заметила Клава, не отводя от него холодного взгляда.

— Да, больной, хотя у меня первый разряд по боксу и чемпионская медаль по метанию копья на районных межшкольных соревнованиях, — с иронией отозвался Влад, но в глубине души понимал, что это лишь часть истории.

С детства Влад часто болел ангиной — иногда за четверть у него накапливались больничных дней на целый месяц. Это сильно мешало ему в учебе. Когда в пятом классе его дважды поразил ревматизм, состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Врачи сказали, что болезнь дала осложнение на сердце. Но Влад никогда не ощущал никаких болезненных изменений — когда он не болел ангиной, чувствовал себя прекрасно.

Операция по удалению гланд, проведенная в Улан-Удэнской областной больнице, в итоге изменила его жизнь. Вернувшись, домой, он увлекся спортом: записался в секцию бокса, стал участвовать в соревнованиях по легкой атлетике. Болезнь словно на время покинула его. Но эту историю болезни врачи не оставили незамеченной, когда в десятом классе все ребята прошли медицинскую комиссию в военкомате. Влад, даже не проходя осмотр, получил военный билет.

Разговор с Клавой оставил в его душе странное послевкусие. Влад почувствовал, что между ними возникла непреодолимая преграда. Он встал, попрощался и пошел в свой вагончик.

Приближался важный праздник — 7 ноября, день Великой Октябрьской Революции. Влад решил отметить его по-своему. Рано утром, в более-менее приличном костюме, он пришел на железнодорожную станцию. У него была солидная пачка денег в кармане. Билет он брать не стал — дождавшись пассажирского поезда, заскочил в первый попавшийся вагон и направился в ресторан. Его план был прост: посидеть за столиком, выпить немного, а затем выйти в каком-нибудь городе и дождаться обратного поезда.

По пути Влад познакомился с молодым, но уже седым лейтенантом. Они неожиданно подружились, и вскоре распили вместе бутылку сухого вина. Лейтенант был разговорчивым и живым:

— Знаешь, парень, жизнь — это как поезд: бывает быстро идет, бывает медленно, но всегда достигает станции назначения. Главное — не забывать наслаждаться поездкой!

На обратном пути Влад встретил пару пожилых супругов, возвращавшихся с юга в Новосибирск. Они также не прочь были выпить, и вскоре за их столом закипели разговоры о жизни, о любви, о том, как важно ценить каждый момент.

—Вот вы молодежь, — сказала женщина, — смотрите, какие мы с мужем счастливые. За плечами столько лет, но любовь не иссякает. Главное — уважать друг друга.

Влад почувствовал, как его накрывает теплая волна ностальгии. Он вспомнил Клаву, её смех, её глаза и тот сокровенный разговор, который привел его в замешательство.

Уже дома в своем купе, Влад устало растянулся на кровати, собираясь, как следует отдохнуть, когда в дверь постучали. Это был Борька.

— Влад, ты знаешь, Клава тебя искала! Я не знал, что ответить... — произнес он, явно растерянный.

— Ничего, перебьется, — ответил Влад сонным голосом и вскоре заснул.

Сквозь сон его мозг не отпускали воспоминания о разговоре с Клавой, о её холодном взгляде, который, казалось, пронзил его до самых глубин. «Девушку оценивают по трем критериям. Красота, ум и верность.» - крутились в голове, чьи то слова. - « По пятибалльной шкале Клаве можно дать за красоту – пять, за ум – 4, а вот за верность, скорее всего – два. Вот такой расклад и здесь ни чего не поделаешь». С этими мыслями Влад провалился в глубокий сон, где уже были одни картинки.

Глава 21

Через две недели Влад снова увидел Клаву. Она шла по узкой дорожке между вагончиками, обнявшись с высоким парнем в замасленной спецовке — машинистом путеукладчика. Молодой, лет двадцати пяти, с уверенной походкой и насмешливым прищуром. Они смеялись, проходя мимо, и даже не взглянули в сторону Влада, будто его и не существовало.

Борька, вертевшийся неподалеку, хихикнул и подмигнул:

— С кем это наша Клава так мило прогуливается?

Влад стиснул зубы.

— Как будто не знаешь. Ты здесь дольше меня работаешь. — отрезал он, стараясь скрыть раздражение. — Хватит комедию ломать. Лучше скажи, дорогой, как у тебя с деньгами? Или передумал в Ташкент ехать?

Борька потупился, почесал затылок.

— Нет, не передумал… — пробормотал он. — А когда двинем?

— Да прямо сейчас и начнем собираться, — Влад резко развернулся и зашагал к своему вагончику. «А что меня здесь держит? Ничего!» — пронеслось у него в голове, и он чуть не сказал это вслух.

Вечером, сидя на твердой койке, Влад выдохнул дым сигареты и ткнул пальцем в воздух:

— Завтра заявления подадим. Двенадцать дней — и прощай ПМС. В начале декабря будем в Ташкенте.

Мысль о скором отъезде разожгла в нем азарт. Образ Клавы померк, отступив перед новыми планами.

— Кстати, — оживился Борька, — у меня в Ташкенте двоюродный брат на стройке работает.

— Адрес знаешь?

— Нет… Мы с ним не особо общались.

— Жаль, — Влад хлопнул его по плечу, — но ничего, пробьемся! Не пропадем!

Его настроение поднялось, и он крепко обнял Борьку за худые плечи, будто уже чувствовал ветер дальних дорог.

На следующий день Влад шагнул в кабинет начальника станции, сжимая в руке тщательно составленное заявление.

— Подпишите, пожалуйста, - и положил листок перед грузным, седым человеком с усталыми глазами. Начальник прочитал заявление и отодвинул его на середину стола.

— Погоди-ка, Григорьев, — начал он и откинулся в кресле, — Ты у нас парень толковый, образование есть. Мы на тебя планы строили.

— Какие планы? — насторожился Влад.

— Челябинский институт железнодорожного транспорта, заочное отделение. Поможем поступить. А потом — мастером участка. Руководить будешь.

Влад замер. Предложение было заманчивым — стабильность, карьера…. Но мысль о том, чтобы остаться здесь, где каждый камень напоминал о Клаве, вызывала у него тошнотворный спазм.

— Благодарю за доверие, — он медленно покачал головой, — но я уже решил. В Ташкенте меня ждет дядя, папин брат. Обещал ему приехать.

Начальник нахмурился.

— Вранье всё это. Ты даже глаз не отводишь, когда лжешь.

— Может, и вранье, — Влад упрямо поднял подбородок, — но я уеду.

— И что ты там найдешь? Чужие люди, неизвестность…

— Что-нибудь да найду,— вырвалось у Влада.

Начальник тяжело вздохнул, потер переносицу.

— Ладно…. Если так решил — не держу. Но знай: назад дороги не будет.

— Мне и не надо назад, — Влад развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Через полторы недели они с Борькой стояли на перроне, глядя на приближающийся поезд Новосибирск — Ташкент. Громыхающие вагоны, крики проводников, свист тормозов — всё сливалось в единый гул свободы.

— Поехали? — Борька нервно переминался с ноги на ногу.

— Поехали, — Влад вскочил на подножку и потянул друга за собой.

Поезд тронулся, увозя их прочь — от прошлого, от обид, от ветреной Клавы, что даже не пришла помахать ему вслед.

Но Владу было уже всё равно.

Глава 22

Поезд мерно покачивался на стыках рельсов, увозя Влада и Борьку всё дальше и дальше от Копан-Булака. Друзья забрались на верхние полки, стараясь устроиться поудобнее, но наслаждаться дорогой не получалось — внизу, у окна, ехала молодая узбекская семья: муж с усталыми глазами, его жена, прижимающая к груди младенца, и тот самый малыш, который, казалось, плакал без перерыва.

— Опять заводится, — вздохнул Борька, затыкая уши пальцами. — Да как он вообще столько орет?

— Голодный, наверное, — пробурчал Влад, глядя в потолок. — Или зубы режутся.

Но объяснения не помогали — каждый новый крик действовал на нервы, как гвоздь по стеклу. На ближайшей остановке друзья выскочили из вагона, жадно втягивая свежий воздух.

— Ну и атмосфера, — фыркнул Борька, закуривая. — Как в зоопарке, только без клеток.

Влад рассмеялся, доставая из кармана смятые купюры:

— Ладно, пойдем за пирожками. Надо подкрепиться.

У станционного лотка пахло жареным тестом, спелыми дынями и чем-то молочным — продавец в тюбетейке нахваливал верблюжий сыр.

— Возьмем? — Борька тыкал пальцем в разные вкусности. — И молоко вот это… необычное.

— Давай, — кивнул Влад, вдруг поймав себя на мысли, что этот запах — горячих лепешек, дыма и степного ветра — напоминает ему далекое детство.

1953 год. После демобилизации отца семья Влада перебралась в деревню Чикой, к бабушке. Дом стоял на самом берегу реки, где вода, холодная даже летом, бежала по каменистому дну, сверкая на солнце. За околицей тянулись луга, густо поросшие ковылем и иван-чаем, а за ними — темная стена тайги. Утром над рекой стелился туман, и тогда из избы доносился звонкий голос бабушки:

— Владька, Сашка! Вставайте, корову гнать надо!

Дом был большой, бревенчатый, с резными наличниками. Внутри пахло хлебом, смолой и теплом русской печи. Бабушка, сухонькая, шустрая, с вечно запыленным подолом, управлялась с хозяйством ловко и бойко:

— Ну-ка, внучки, дрова подбросьте, а то пироги не пропекутся!

Она пекла их с капустой, с рыбой, с творогом — румяные, пышные, такие, что слюнки текли.

В комнате за печью, где спали Влад с братом, было тесно, но уютно. А вот дядя Витя, бабушкин сын, жил с молодой женой в отдельной горнице — важный, с бородкой, вечно занятый то лошадьми, то сенокосом.

Однажды…

— Держи крепче! — дядя Витя кинул Владу поводья, запрягая гнедого мерина.

Мальчик послушно сжал кожаную узду, но вдруг — резкий рывок! Лошадь внезапно ударила его в лоб, и Влад очутился на земле, оглушенный.

— Витька! Да что ж это твоя кляча творит?! — закричала бабушка, выбегая на двор.

Дядя Витя, бледный, подхватил племянника на руки:

— Живой? Говори что-нибудь!

— Живой… — пробормотал Влад, трогая лоб. Крови не было — лошадь ударила губами, словно предупреждая: ”Не стой на пути”. А может, у нее и зубов то не было и это было не предупреждение, а обида, что какой-то малец незнакомый смеет ее такую старую и мудрую держать за поводья.

Потом отец устроился бухгалтером в МТС, мать — учительницей, и семье дали отдельный дом у школы. Уже с этого дома Влад пошел в первый класс, а через три года сюда привезли из роддома младшую сестрёнку Таню. И через полгода после её рождения отца пригласили на должность главного бухгалтера в совхоз "Селенга" и вся семья переехала в поселок городского типа Селендумск. Именно здесь старший брат Влада Александр, сам Влад и их младшая сестренка Татьяна, закончили школу и каждый пошел по жизни своим путем. Но запах бабушкиных пирогов, шум реки Чикой и тот необъяснимый удар лошадиной морды, он запомнит навсегда.

— О чем задумался? — Борька сунул ему стакан с верблюжьим молоком.

— Да так… вспомнил детство.

— Ностальгия?

— Может и ностальгия. Что- то она меня стала часто посещать — Влад улыбнулся,- А вообще-то жизнь интересная штука.

Поезд тронулся, увозя их дальше — мимо степей, лесов, рек. А внизу, убаюканный, наконец, тихо сопел ребенок. Впереди ждал Ташкент — город, где никто не знал их по имени. Где можно было начать всё сначала.

Часть вторая

Глава 1

Пассажирский поезд, скрипя и постанывая, устало замер у перрона Ташкентского вокзала, будто и сам был измотан долгим путем через бескрайние казахстанские степи и узбекские хлопковые поля. Было начало декабря, календарная зима, но здесь, в Узбекистане, она ощущалась иначе. Не как суровый властелин, а как легкий, прохладный намек на грядущее обновление.

Здание вокзала, монументальное и величественное, с восточными орнаментами на европейском строгом фасаде, встречало гостей города. У его подножия кипела жизнь, не затихающая ни на секунду. Площадь перед вокзалом, огромная, как море, блестела и отражала спешащие куда-то огни автомобилей, будто ее только что вымыли и натерли до зеркального блеска прошедшим дождем. Воздух был густым, влажным и непривычно теплым, он пьянил, как вино, и пах свободой, дальними дорогами, углем, сладковатой пылью и чем-то неуловимо экзотическим — может, пряностями с ближайшего базара, а может, цветением каких-то незнакомых деревьев.

Влад, широкоплечий спортивный парень с упрямым вихром темных волос, выпрыгнул из вагона одним из первых. Он всей грудью, с наслаждением, вздохнул этот новый, опьяняющий воздух. Переполнявшие его чувства — радость, надежда, предвкушение приключений — требовали выхода. Он развернулся, схватил своего спутника, приземистого и более сдержанного Борьку, и чуть не задушил его в мощных объятиях.

— Ну, что, друг, мы в Ташкенте! — воскликнул Влад, и его голос, громкий и звучный, перекрыл гул толпы. — Чувствуешь? Дыши! Это не Копан-Булакская сухая пыль и колючая пурга, это же, как в Иркутске в конце лета! И запах… тот самый, соленый от пота, но такой сладкий! Запах большой стройки!

Борька, высвобождаясь из объятий, смущенно огляделся. Он был из тех, кого новые места сначала пугали, заставляли внутренне съеживаться. Его практичный ум сразу искал подвох.

— Тепло, это да, — пробурчал он, поправляя помятый пиджак. — А вот насчет хлеба… Ты сказал, город хлебный. Где он, этот хлеб? Я кроме этой мокрой брусчатки ничего не вижу.

Влад только рассмеялся, и его глаза, яркие и живые, сверкали азартом. Ему сейчас ничто не могло испортить настроение.

— Эх, Боря, Борька… Недоучка! Это же роман такой есть! «Ташкент — город хлебный»! И кино черно-белое! Понимаешь? Символ! Город возможностей, город, где всегда сытно! — Он снова раскинул руки, обращаясь уже ко всему городу, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих, закутанных в ватные халаты и тюбетейки. — Здравствуй, Ташкент! Город хлебный! Мы готовы тебя строить!

Борька покраснел от смущения и потянул друга за рукав: —Да успокойся ты, на нас же смотрят как на ненормальных… Лучше подумай, куда идти.

План, впрочем, был простым и дерзким, как и все затеи Влада: найти крупную строительную организацию и устроиться на работу, обязательно с предоставлением жилья. Друзья двинулись к автобусной остановке, протискиваясь сквозь живую реку людей на привокзальной площади.

Здесь была настоящая толкучка, шумная, пестрая, многоголосая. Носильщики в форменных фартуках ловко управлялись с громадными чемоданами, перевязанными веревками. Торговцы с лотков наперебой зазывали купить горячие лепешки с дымящейся бараниной, сладости, пахнущие медом и орехами, или прохладный айран. Свистели милицейские свистки, пытаясь хоть как-то упорядочить движение бесконечных «Волг» и автобусов. Воздух гудел на

десятках языков — слышалась и русская речь, и певучий узбекский, и быстрый таджикский, и множество других наречий огромной страны. Пахло дизельным выхлопом, жареным луком, душистыми травами и кожей. Это был настоящий восточный Вавилон у ворот большого города.

— Я уже работал на стройке, в Иркутске, — хвастался Влад, уже залезая в синий тряский автобус. — Для меня это не ново. Изолировщиками мы, конечно, не пойдем — слишком уж грязная работа, и платят так себе. А вот каменщиками — это да! Это самые уважаемые люди на стройке.

— Каменщиками? — нахмурился Борька, прижимая к себе свой скромный вещмешок. — Это что, камни таскать?

— Нет, — терпеливо объяснил Влад, глядя в окно. — Каменщики — это художники. Они из кирпичей строят дома, стены будущих квартир и комнат. Кладут ряд за рядом. Это почти медитация.

Автобус тронулся, и город поплыл за окном, раскрываясь перед друзьями как диковинная книга. Широкие, прямые улицы, утопающие в зелени даже зимой. Строгие, монументальные здания сталинской эпохи, украшенные замысловатой восточной вязью и виноградными лозами. Светлые, современные хрущевки. И повсюду — люди, много людей, снующие, неспешные, деловые и праздные. Город жил полной, шумной, насыщенной жизнью.

Владу Ташкент нравился все больше с каждой секундой. Это был не просто большой город. Это была столица, пусть и республиканская. Чувствовался масштаб, история, особая энергетика места, где причудливо сплелись азиатская колоритность и европейская упорядоченность. Следы недавнего страшного землетрясения, о котором говорила вся страна, в центре были почти незаметны — город уже залечивал раны. Но чем дальше ехал автобус, приближаясь к «старому городу», тем явственнее проступала память о трагедии. Здесь еще стояли глинобитные домики, слепленные из самана, с приземистыми дувалами. Но и тут вовсю кипела работа: на месте разборных одноэтажных строений поднимались современные, светлые многоэтажки из белого силикатного кирпича. И на торцах многих уже отстроенных домов искусные руки мастеров выкладывали из красного кирпича мозаичные названия городов и республик всего Советского Союза: «Рига», «Баку», «Ленинград», «Киев» — это были подарки, знаки братской помощи от всей необъятной страны.

— Смотри, Борька! — ткнул Влад пальцем в окно. — Видишь? «Иркутск»! Это же наш знак! Знак, что мы приехали куда надо!

Борька впервые за весь день улыбнулся — широко, по-детски. —Точно, «Иркутск»… Красиво.

Они вышли на остановке в самом сердце новой стройки, в юго-западном районе. Воздух здесь был напоен другими запахами: свежеспиленного леса, известковой пыли, цемента, прогретого на солнце металла. Грохотали бетономешалки, звенели удары молотков, с пронзительным шипением работали сварочные аппараты. Повсюду сновали рабочие в комбинезонах, прорабы с синими чертежами в руках, громадные краны медленно поворачивали свои стрелы, как сказочные великаны.

Поиски строительного управления затянулись. Друзья потратили полдня, облазив десятки новостроек, переговорив с полусотней прорабов и рабочих, которые, отрываясь от дел, тыкали пальцами в разные стороны, объясняя дорогу на непонятном им языке. Наконец, измученные, но не павшие духом, они очутились перед дверью с табличкой «Отдел кадров СУ-37».

Разговор с начальником отдела кадров, усталым мужчиной в заношенном пиджаке, был недолгим и отрезвляющим.

—Рабочие? С жильем? — переспросил он, не глядя на них, перебирая бумаги. — Профессия какая?

— Мы… быстро научимся! — бодро начал Влад. — Я уже имею опыт!

—Мне нужны не ученики, а профессионалы. Разрядники. — Кадровик поднял на них глаза. — И с жильем напряженка. Общежитие только в проекте. Сейчас народ в палатках живет, армейских. Условия спартанские. Если устраивает — милости просим. Нет — свободны.

Выйдя из кабинета, друзья молчали. Первый удар по их радужным планам был ощутим. — Палатки… — мрачно произнес Борька. — А ночь-то на дворе. Где мы сегодня ночевать будем? Обратно в поезд не сядешь.

Вернуться к вокзалу было единственным логичным решением. Они шли обратно молча, но уже не так бодро, как утром. Усталость, голод и первое разочарование давили на плечи.

Спасение пришло оттуда, откуда и не ждали — из небольшой, закопченной лагманной, откуда валил такой соблазнительный пар, что слюнки текли. Внутри было шумно, тесно, но невероятно уютно. Пахло жгучими специями, чесноком, бараниной и свежей зеленью.

— Давай по полной! — заявил Влад, уже оживляясь. — Раз уж работа не задалась, так хоть поедим как люди!

Они заказали по большой порции лагмана. И когда перед ними поставили глубокие пиалы, полные густого, ароматного супа с длинной, упругой лапшой, горой нежнейшего мяса, свежими овощами и щедро приправленного зеленью кинзы и перцем, оба забыли о всех неудачах. Они ели молча, с наслаждением, обжигаясь и не в силах остановиться. Это была не просто еда, это было настоящее откровение, награда за тяжелый день.

— Ничего вкуснее в жизни не ел, — выдохнул Борька, опустошив тарелку до дна и с наслаждением вытирая пот со лба. — Я теперь понял, почему этот город хлебный. Хлебом тут, наверное, и не пахнет — тут пахнет вот этим!

Влад согласно кивнул, чувствуя, как по телу разливается благодатная теплота и сытость. — Согласен. Одно это блюдо уже стоило того, чтобы проехать тысячи километров.

Вернувшись на вокзал, они устроились на широких, полированных временем и телами деревянных диванах в зале ожидания. Здесь тоже кипела своя, особая жизнь: семьи с детьми, одинокие путники, солдаты, торговцы. Гул голосов создавал убаюкивающий фон. Друзья с удовольствием растянулись, давая отдых уставшим ногам.

Закрыв глаза, Влад снова предался мечтам. Он представлял себе, как уже совсем скоро, получив работу и обустроившись, будет бродить по вечернему Ташкенту. Теплый, бархатный воздух будет пахнуть чаем и специями. Он будет заглядывать в уютные кафешки, где стучат костяшки домино, в просторные, полные дымка чайханы, где мудрые аксакалы неторопливо беседуют. Будет гулять мимо ярко освещенных витрин огромных магазинов, и не спеша бродить по шумным, разноцветным базарам, где можно найти абсолютно все. И повсюду будут красивые, стройные, темноглазые девушки в ярких платьях, и все они будут ему улыбаться, все будут приветливы. Этот город уже стал его мечтой, и он был готов бороться за нее.

Борька, глядя на умиротворенное лицо друга, тоже позволил себе немного расслабиться. Может, и правда, все наладится? Может, эти палатки — не такая уж и цена за возможность жить в городе, где даже в декабре пахнет летом, а суп в забегаловке похож на пиршество самого падишаха? Он перевернулся на другой бок, подложив под голову рюкзак, и его глаза тоже начали слипаться под убаюкивающий гул вокзальной жизни. Впереди была ночь и ее надо было, как то пережить.

Глава 2

Поздний вечер раскинул над городом свое влажное, промозглое покрывало. Влад и Борька, два кочевника асфальтовых джунглей, решили прогуляться по многоэтажному лабиринту вокзала. Они уже потолкались у запертых на ночь ларьков, похожих на спящих железных жуков, заглянули в кафе, где пахло жареным маслом и тоской, и, слегка перекусив чем-то безвкусным и сомнительным, вышли на перрон.

Там они проводили в ночь огненным взглядом красных хвостовых огней пассажирский поезд «Ташкент – Ленинград». Он уполз в темноту, словно гигантская уставшая гусеница, унося с собой в теплых купе чужие жизни, оставляя наших героев на холодном, продуваемом всеми ветрами перроне. Поезд завыл на прощание, и этот звук был похож на одинокий крик заблудившегося в мире чудовища.

Спустившись в подземный переход, они попали в другое измерение. Воздух здесь был густым и спертым, пахнущим остывшим бетоном, окурками и чем-то неуловимо тревожным. Свет редких ламп отбрасывал на стены уродливые, пляшущие тени. Именно из одной такой тени к ним отделился и бесшумно подошел молодой парень. Он нервно оглядывался по сторонам, а его глаза бегали, как у затравленного зверька.

- Аннушку не желаете? Пять рублей всего, – прошепелявил он вполголоса, и слова его повисли в воздухе липкой, двусмысленной паутиной.

- Какую Аннушку? – также тихо, с внезапно вспыхнувшим любопытством, переспросил Борька, и глаза его загорелись манящим огоньком наивного авантюризма.

Парень коротко хмыкнул, и еще раз оглянувшись, почти прикоснулся к их ушам шепотом, густым и сладким, как патока:

- Анашу. Хороший товар. Веселуха гарантирована.

- А кто это? И какая из себя? – не унимался Борька, в своем простодушии все еще ожидая увидеть девушку, а не призрачную улыбку зеленого змия.

- Я потом тебе расскажу, – резко встрял Влад, и его голос прозвучал как стальной щелчок, отсекающий всякие дискуссии. Ответив парню коротким и твердым «нет», он взял Борьку за локоть и почти силой оттащил в сторону.

Отошли подальше, в сумрачный угол, где пахло мочой и одиночеством.

- Это наркотик, Боренька, – продолжил Влад, и его слова падали, как капли холодного свинца. – В Иркутске я уже встречался с этой заразой. Видел, во что она превращает людей. В общаге некоторые подсели. Сначала – весело, смешно, мир играет всеми красками. А потом… Потом краски тускнеют, и остается только серая, липкая реальность, из которой они готовы вырваться любой ценой, продав за дозу хоть душу, хоть друга. Видел я и новичков, глаза у которых горят безумием праздника, и старичков – с потухшими, пустыми глазницами и трясущимися руками. Это, Боря, две огромные разницы. Между жизнью и медленным самоубийством.

- А я-то думал, он нам проститутку предлагал, – пробормотал Борька, и в его голосе читалось разочарование, смешанное со страхом.

- Проститутку, – мрачно усмехнулся Влад. – Лучше бы он нам предложил хату, где можно переночевать. Ладно, уже поздно, пойдем искать свободные диваны. Хоть на часок прилечь.

Они поднялись обратно в зал ожидания. Это был огромный зал с высоким потолком, где свет тусклых люминесцентных ламп боролся с наступающей тьмой и проигрывал, создавая жутковатое желтое марево. Воздух был густ от дыхания сотен спящих людей, пах старыми ватниками, колбасой и безысходностью. Они кое-как устроились на жестком, деревянном диване, ощущая каждую его неровность, и уже начали проваливаться в тревожный, поверхностный сон, как вдруг почувствовали нечто.

Сначала это было едва уловимое изменение атмосферы, словно перед грозой. Несколько молодых людей, сидевших неподалеку, резко, как по команде, вскочили и устремились к выходу, двигаясь быстро и целеустремленно, как тараканы при внезапном включении света. Те, кто дремал, сидя на диванах и чемоданах, заметно встрепенулись. По залу пробежала нервная волна. Люди начали беспокойно крутить головами, их глаза, широко раскрытые от внезапного испуга, выискивали в полумраке невидимую опасность. Влад с Борькой ничего не поняли, но леденящий холодок страха сковал их спины.

Через две минуты все прояснилось. Из главного входа, словно щупальца спрута, растянувшись широким фронтом, в зал вошел наряд милиционеров. Они шли медленно и уверенно, с лицами, выражающими профессиональную скуку и непоколебимую власть. В их руках замерли темные дубинки – безмолвные аргументы силы. Рядом, на привязи, шли овчарки. Собаки не рычали, они шли настороженно, их влажные носы вздрагивали, втягивая миллионы запахов, выискивая один-единственный – запах страха и вины.

Шла повальная проверка. Цепкие взгляды стражей порядка выдергивали из серой массы заспанных, испуганных людей тех, кто вызвал малейшее подозрение. К последним, без сомнения, принадлежали и два наших путешественника, чья бродяжная сущность была написана на их лицах крупными буквами.

- Что будем делать? – выдохнул Борька, и его лицо было бледным, как у восковой фигуры в музее. Глаза казались двумя огромными черными дырами, полными ужаса.

- Теперь уже ничего, – сквозь зубы пробурчал Влад, лихорадочно соображая. Легенда о пересадке на транзитный поезд подготовлена не была, расписание не изучено, да и кто знал, что здесь такие суровые порядки по ночам. Это был тотальный провал.

Тень накрыла их. Два милиционера уже стояли перед ними, заслонив собой жалкий свет ламп.

- Документы, пожалуйста, – вежливо, но с ледяной интонацией попросил один из них, молодой, с колючими глазами. – Куда едете? Предъявите билеты.

- Да мы только что приехали, – начал Влад, стараясь вложить в голос максимум искренности. Он указал на Борьку, который, казалось, вот-вот рухнет в обморок. – У него здесь брат работает на стройке. Ехать искать его уже поздно. Решили здесь, в зале, ночь перекантоваться, а на утро – к нему.

- Ночь проводят в гостинице, или на съемной квартире, – ухмыльнулся второй, пришлепывая резиновой дубинкой по своей могучей ладони. Он был под два метра ростом и, казалось, полтора в ширину. Его фигура напоминала не человека, а бетонный столб, одетый в шинель. Такому и дубинки-то было не нужно – одной своей клешней он мог задавить любого, как назойливого котенка.

К группе подошел еще один милиционер с собакой. Овчарка деловито, без злобы, обнюхала сначала Борьку, потом Влада. Ее холодный нос тыкался в их потные ладони, в грубые швы рюкзаков. Борька стоял, не дыша, с остекленевшим взглядом, замершим в пустоте. Он смотрел то на умные, хищные глаза пса, то на каменное лицо великана, и казалось, его вот-вот стошнит от страха.

- Вроде, чистые, – негромко, словно делая пометку в невидимом блокноте, бросил хозяин собаки и потянул поводок, двинувшись дальше, на охоту.

- Чтобы духу вашего здесь через пятнадцать минут не было! – сердито, но уже без особого интереса пробурчал великан, и они с напарником отправились к следующей жертве ночной облавы.

Влад облегченно выдохнул, но понимал, что напуган не меньше Борьки. В груди колотилось, словно перепуганная птица, пытающаяся вырваться из клетки.

- Это они наркоторговцев и наркоманов выискивают, – пояснил он другу, и его голос все еще дрожал. – Но нам здесь оставаться смертельно опасно. Зацепят, и вместе со всеми загремим под фанфары в каталажку.

Они вышли на улицу, и ночной воздух, холодный и свежий, ударил им в лица, как целебный, но неприятный удар. Не сговариваясь, они пошли через пустынную вокзальную площадь, устремляясь к темному силуэту, что возвышался сразу за ней, как последний островок надежды.

Это был памятник. Монументальный, тяжелый, отлитый из темного металла. На медной доске, прикрепленной у основания, они успели прочесть, что установлен он в честь 26-ти бакинских комиссаров. У подножия, горел вечный огонь. Небольшой, почти игрушечный в этой огромной ночи, он мерцал ровным, неугасимым синим сердечком, и это как-то, хоть и не заметно, но согревало изнутри, напоминая о чем-то вечном и несгибаемом, в отличие от их собственной, такой шаткой судьбы.

Ночь вступила в свои законные права. Заметно похолодало, и холодный ветерок начал злорадно забираться под одежду, цепляться за голые шеи. Настроение у Влада пошло на убыль, словно песок в песочных часах. Перспектива провести всю ночь здесь, у подножия чужой славы, даже рядом с вечным огнем, не прельщала вовсе. Она казалась бесконечно долгой и леденяще одинокой.

Борька весь сжался в комок, зловеще и покорно молча. Он сидел, обхватив колени руками, и, казалось, проклинал тот день и час, когда согласился ехать в этот мрачный, негостеприимный город. Влад понимал, что надо как-то подбодрить товарища, влить в него хоть

каплю уверенности, но слова застревали в горле комом. Не хотелось ничего выдумывать, притворяться бодрячком, когда внутри все сжималось от тоски и безысходности.

Они не заметили, как из мрака, словно тени, материализовались три фигуры. Три парня, примерно их возраста, бесшумно подошли и стали полукругом, отрезая их от света фонарей. Влад моментально вскочил на ноги, все его чувства обострились до предела. Он задвинул левой рукой Борьку за спину, а правую сжал в кулак и инстинктивно поднял к подбородку, принимая бойцовскую стойку. Сердце вновь застучало, но теперь не от страха, а от готовности к схватке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.